

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

ВЕРЕВКА ИЗ ПЕСКА

Анатолий Степанов

Анатолий Яковлевич Степанов
Веревка из песка
Серия «Любимый детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28057801
Степанов А.Я. – Веревка из песка: Вече; Москва; 2016
ISBN 978-5-444-48805-8

Аннотация

В романе признанного мастера остросюжетной прозы Анатолия Яковлевича Степанова (1931–2012) «Веревка из песка», ставшем основой одноименного фильма (снят в 2005 году режиссером Михаилом Туманишвили, в главных ролях: Александр Волков, Борис Невзоров, Александр Тютин), приезжие молодые люди, еще не знающие, что такое настоящая московская жизнь, попадают в опасные ситуации, из которых их выручает странный человек в длинном кожаном пальто, требующий за это определенные услуги и появляющийся в самые критические для героев моменты...

Содержание

Глава I	5
Глава II	48
Глава III	87
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Анатолий Степанов

Веревка из песка

© Степанов А.Я., наследники, 2017

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия,
2017

Глава I

Неумело, а потому с ненужными усилиями, он втиснул себя в эластичный конькобежный комбинезон, от паха до подбородка протянул застежку засекреченной тонюсенькой молнии и предстал перед зеркалом. Рассмотрел себя без удовольствия, оттого скривившись личиком, и вдруг насмешливо приказал:

– На старт!

Как там у них, у конькобежцев, видел же по телевизору? Левая нога на линии носком вперед, правая ступней в развороте на девяносто градусов для первого толчка сзади, полуприсед, как в гопаке...

– Внимание! – И тут должен последовать выстрел.

Он не дождался выстрела, потому что выстрела не могло быть. Но старт все-таки будет. Скоро звякнет звонок вызова – вместо положенного выстрела – и он сделает рывок. Куда? Для чего? Нет, не к такому старту он готовил себя все эти лихорадочные ученические годы.

Звякнул звонок. На выход...

...С необозреваемой высоты по пятнисто-каменным в ядовитой зелени противоестественного мха ступеням к яростно освещенной площадке, на которой трехметрово торчало белое продолговатое нечто, спускаются двое – он и она. В неких старческих одеждах.

ОНА. Это наконец то?

ОН. Не знаю. Посмотри сама.

ОНА. Мне страшно.

ОН. Мне еще страшнее. (*Приказно.*) Ну!

Она делает шаг, поднимает с яркой земли хвост веревки и дергает за него. Хламида беспорядочно сползает, открывая беломраморную фигуру юного атлета. Скульптурный юноша застыл перед неотвратимым рывком в битву, в смерть, в бессмертие, в никуда.

ОНА. Ты сделал это?

ОН. Это сделало меня.

ОНА (*потрогав скульптуру за колено*). Холодный.

ОН. Как моя могила, которую я наконец заслужил.

ОНА. Ты заслужил бессмертие, а не могилу.

ОН. Я – гений?

ОНА. Ты – гений. Но гений устал и хочет чаю. Пойдем, милый.

Медленно, как и спускались, они поднимаются по ступеням. Исчезают. Дождавшаяся их ухода девица в лифчике и шортах спускается по той же лестнице в отчетливом ритме шага.

ДЕВИЦА. Ну-с, посмотрим, что наваял мой дед, в дальнейшем именуемый старым хреном. (*Идет вокруг скульптуры.*) Как поживаешь, каменный гость? Молчишь? Гордый, да? (*Поднимается на приступочек пьедестала и трогает мраморного атлета за причинное место.*) Э, да ты не камен-

ный?!

Скульптурный юноша подхватывает ее под мышки и возносит к себе на пьедестал. Девушка обеими руками обнимает его за шею.

ДЕВИЦА. А я его старым хреном обозвала. Ужель он прав, и он – гений?

Скульптура деловито расстегивает на ней лифчик.

Пошел занавес. За ним глухо, но обвалью аплодировали. Мраморный юноша длинно, от горла до промежности, развалил молнию на разрисованном под мрамор конькобежном комбинезоне и злобно сказал прятанной титьки в бюстгальтере девушке:

– Ты что, идиотка? Не понимаешь, по чему бьешь?

– Премьера же! Знаешь, как я волнуюсь?! Ну, прости, прости, Димочка. – Она прислушалась: за занавесом некоторые ретивые любители андеграунда кричали «браво». – Застегнись, сейчас на вызов пойдем.

– Без меня, – решил Дима и двинулся навстречу боевой толпе, которая уже высыпалась из кулис в страстном ожидании премьерных почестей.

– Дима, ты куда? – не столько спросил, сколько начальственно возмутился кругломордый от плешивости режиссер, он же его, Димы, учитель, он же мастер.

– Что-то плохо себя чувствую, Захар Захарыч, – соврал Дима, но соврал правдоподобно – после пятнадцати минут полной неподвижности в неудобной позе можно себя неважно

но почувствовать, – соврал так, что мастер поверил.

– Ладно, можешь отдохнуть перед банкетом.

– ...Хрен тебе, а не банкет, – бормотал Дима в гримерной, стягивая с себя комбинезон.

– ...Хрен тебе, а не банкет, – пробормотал он уже на выходе, услышав новый рев зрительного зала.

– Хрен тебе, а не банкет, – сказал охраннику у служебного входа.

Охранник, естественно, обиделся.

* * *

Он сам себе устроил мини-банкет. В круглосуточном магазинчике, что в устье Петровского бульвара, на последние взял две жестянки джин-тоники, одну вмиг опорожнил, а вторую – про запас – сунул в карман суконной куртки. И – на прогулку по ночной Москве.

Капал на удивление теплый майский дождь, от которого не было желания прятаться. Под дождем он поднялся к Петровке. Каретным Рядом к Садовому, через Садовое к Тверским-Ямским.

...Темные и большие дома с редкими освещенными окнами, в которые так интересно заглядывать и рассматривать люстры. Люстры были разные, чаще всего нынешние имитации под старину, но попадались и истинно старинные – в до-революционных доходных домах.

Запрокидывал голову, чтобы полюбоваться истинно старинными, и теплые дождевые капли осторожно падали на его лицо.

Миновав огромный новостроенный комплекс «офисы-кондоминиум», Дима вырулил к пяточку меж продырявленным в земле входом в метро и церковь. Здесь, у речно-пластиковых палаток и магазинчиков, еще колбасился редкий народец. Какая-никакая, а компания. Он опростал – за компанию – вторую жестянку и спустился в метро. В метро было еще совсем не поздно.

Прошагав светлый зал, Дима эскалатором вознесся и вышел на волю – под непрекращающийся веселый дождь. Магазин был в полусотне метров, за углом.

– К нам приехал, к нам приехал Дмитрий Дмитрич дорогой! – фальшиво, но громко спела продавщица и изобразила плечами цыганскую дрожь.

А продавец метнул от прилавка к дверям банку с пивом, которую пришлось ловить.

Дима с отвращением рассмотрел этикетку отечественной «Баварии» и швырнул банку обратно. Продавец с трудом поймал ее.

– Чего-нибудь полегче, – потребовал Дима и невинно добавил: – В долг.

– Как премьера, Димон? – осторожно поинтересовалась продавщица.

– Дай съездить в Бухару, Наталья.

Дима уже отвинчивал головку «Смирновской», которую без слов вручил ему продавец. Но Наталья не могла терпеть, повторила:

– Как премьера?

– Козлы! – сказал Дима и отхлебнул из горла. Наташа дождалась момента, когда он перестал нюхать пахучий суконный рукав, и вежливо задала вопрос:

– Кто, Дима?

– Все. Сраный новатор – автор под аристократической фамилией Растопчин, Захар, который старается бежать впереди прогресса, наши маразматические знаменитости, играющие эту графоманскую шелуху на полном серьезе. – Дима хлебнул еще разок, чтобы завершить тираду. – И я в белых подштанниках на пьедестале.

– Дай хлебнуть, – попросил продавец.

– Ты на работе, – строго напомнил Дима, но бутылку отдал. Продавец сделал глоток, вогнал его поглубже и сказал:

– Чего ты возбужаешь? Третьекурсник, и уже роль на настоящей сцене.

– Роль у Ксюшки, – возразил Дима. – А я – часть декорации.

– И у тебя роль, за которую платят бабки. Ты на сцене, а мы с Натальей, через ночь, вот тут. Нас-то мастер не взял.

– Утешаешь, Леха? А не ты ли вчера, меня благословляя, стишок прочитал? «Стоит статуя под ветра свист, а вместо... лавровый лист». Я мускулант, Арнольд, бивень, кото-

рый благодаря черному поясу в карате только и может, что в пантомиме корячиться. А я настоящим актером быть хочу.

Наташа отобрала бутылку у Алексея и тоже хлебнула из горла. От ее неумения водочка погуляла в ней сверху вниз, вызывая неподдельные, не актерские, слезы. Но Наталья героически преодолела трудности и произнесла:

– Ты будешь настоящим актером, Дима. Все только начинается.

Не по правилам, конечно, – тост после того, как выпито, – но трогательно, и Дима растрогался. В умиленной расслабленности вернул себе бутылку и причастился в третий раз. За его спиной спросили:

– Можно бутылочку «Балтики»?

Сильно отвлеклись и увлеклись «Смирновской», потому и не заметили, что у прилавка уже стоял славный парень в кожаной куртке на многих молниях.

– А почему нет? Можно, и еще как! – виновато засуетилась Наташа.

Она вынула из холодильного шкафа пивную бутылку и прошла к кассе. Парень проследовал за ней с купюрой в руке. Наташа пробила чек и открыла ящик, чтобы дать мелочь на сдачу.

Парень резко толкнул Наталью в плечо – ее бросило к стене – и со знанием дела протянул руку к отделению ящика, в котором хранились крупные.

Именно этого и не хватало Диме для полной разрядки.

Объявилась точка приложения для выплеска скопившейся в нем тихой ярости. Два беззвучных молниеносных шага и подсечка. Кожаный уже лежал на кафельном полу, а сотенные, которые порхнули из его руки при падении, еще парили в воздухе.

Навалившись на парня, Дима положил его на живот и синхронно обеими руками завел его руки вверх за спину. От резкой боли парень вскрикнул, потерся щекой о кафель и отрешился. Шок. На мгновение. И тут же воскрес. Прикрыв глаза, он попросил бешеным шепотом:

– Милицию вызывай! Милицию скорей зови!

Дима моргал в тупом недоумении. Потом заорал:

– Леха, Наталья, к метро! Там мент!

Дуя на ходу в переливчатый свисток, Алексей выскочил из магазина.

Наталья, по-куриному кудахтая, замешкалась.

– Димка, а ты как тут один?

– Мы вдвоем! – взревел Дима. – А ну, быстро! Леха к метро, а ты к менту у сберкасы!

Заполошная Наталья в дверях столкнулась с приличным господином, который интеллигентно осведомился:

– Чем я могу вам помочь?

Неизвестный доброхот был франтом: верблюжье пальто, касторовая шляпа, дымчатые драгоценные очки. Такому можно доверять.

– Не мне – Димке! – прокричала она и умчалась.

Доброхот присел рядом с Димой. Поверженный грабитель, вывернув глаз, увидел франта и вдруг завопил:

– Нет! Нет!

Франт успокоительно положил ладонь на шею парня и вдруг воскликнул:

– Смотрите, смотрите! Там второй!

Дима резко обернулся к двери, но за стеклянной стеной никого не было.

– Нету никого, – сказал он растерянно.

Франт уже поднялся с колен.

– Был, был! Ну, я его сейчас догоню!

Франт пробежал через зал, вырвался на улицу и запрыгнул на пассажирское место черного джипа. Джип тотчас рванул.

Парень находился в обморочном безразличии. Дима поднял руку парня. Она была бессильно-податливой. Уронив руку, Дима спросил встревоженно:

– Ты что, чувак?

Чувак не отвечал. Дима поспешно перекатил его с живота на спину. Парень смотрел в потолок мертво застывшими глазами.

Деловой милиционер, который хозяином объявился в торговом зале, перво-наперво приказал, увидев валявшиеся на полу сотенные:

– Деньги подберите, – строго так приказал. Наблюдая за тем, как Наталья заполошно подбирает бумажки, спросил

наконец: – Где преступник?

Стоя над пареньком, Дима сверху глядел в мертвые глаза.

– Преступник уже покойник, – понял он.

– Ты его убил?! – радостно спросил мент.

– Не знаю, – искренне ответил Дима.

* * *

Было веселое позднее майское утро, когда изящный и изящно одетый человек лет тридцати с малым хвостиком открыл дверь и вошел в отделение милиции.

Дежурный при виде изящного господина ретиво вскочил и рывкнул от всего сердца:

– Здравия желаю, товарищ полковник!

– Здорово, Никольцев, – откликнулся господин полковник. – Паренек, что по убийству в магазине проходит, где сейчас?

– Его почти всю ночь капитан Трофимов тряс, ну и умялись оба. Капитан домой пошел, а он в обезьяннике отдыхает.

– Проводи, – приказал полковник и, войдя в помещение, перегороженное тремя железными решетками, удивился: – Смотри ты, пустыня!

И действительно, за решеткой, отделенные друг от друга сплошной перегородкой, находились только двое – ОН и ОНА. ОН – Дима, а ОНА – развеселая лохматая девица в

короткой ладной курточке.

– Всех ночных уже распределили. Эту часа три как с дискотеки привезли, с ней еще не разобрались. И вот ваш... – дал пояснения Никольцев.

– Он пока еще ваш, а не мой, – сказал полковник и подошел к клетке, в которой сидел Дима. Спросил: – Боксер?

Дима внимательно оглядел подошедшего франта и, сделав паузу, насмешливо опроверг его предположение:

– Ошиблись, господин. Студент.

– Одно другому не мешает, – решил полковник и направился к выходу из обезьянника, но был остановлен всесокрушающей девичьей фиоритурой:

– Что же со мной не поздоровался, полковник? Не узнал, что ли?

– Надоела ты мне, Горелова, ох, как надоела! – не оборачиваясь, отшил ее полковник и вышел. Никольцев – за ним.

– Это что за Бельмондюк? – спросил Дима у соседки.

– Полковник Лапин, главный опер по ЦАО. Тухленько тебе будет, если он за тебя возьмется, Димон.

– А если за тебя?

– За меня уже брался. Только против моих откосов и откорячек у него силы нету.

– Такой бобер за тобой?

– За мной – одна я. Я умная. Только худенькая.

– Значит, и сегодня соскочишь?

– А что они за одну дозу пыхалова со мной сделать могут?

Отпустят, куда им деваться. Да и тебя отпустят, только на поводке.

Полковник Лапин дочитал последний лист протоколов и обратился к хозяину кабинета, матерому мужику:

– Как он тебе, Геннадий Васильевич?

– Я же его еще не видел, Костя. Допросы по горячему Трофимов вел.

– А по протоколам? На твой неповторимый сыщицкий нюх?

– Парень как парень. Неплохой парень. Умен, горяч, самодулюбив. С несколько преувеличенным чувством собственного достоинства.

– Это плохо или хорошо?

– Когда в меру – хорошо.

– А он, Васильич, не в меру Знаешь заключение медэкспертов?

– По телефону зачитали.

– По горячке такой удар нельзя нанести. Перелом шейных позвонков. Обдуманый и до автоматизма отработанный удар опытного и жестокого бойца.

– Вот-вот! На автоматике! – обрадовался Геннадий Васильевич.

– Тот, что в желтом пальто?

– А черт его знает! Может, пальто, а может, и Колосов. Хотя девица эта, Наталья Кудрявцева, уверенно утверждает, что до прихода фраера в пальтугане грабитель был жив. Сго-

вориться она и ее напарник с Колосовым не могли: мои ребята их в разные стороны растащили. Да и паренек, напарник, Алексей, честно признался, что желтого чуда этого он не видел. Если бы сговорились, то дудели бы в одну дуду. В общем, тебе в этом придется разбираться самому.

– Считаешь, что это дело я к себе заберу?

– А как же! Загадочное убийство. Хотя, уж поверь моему опыту, оранжевое пальто ты не найдешь, и все кончится превышением мер необходимой самообороны и условным сроком для этого Колосова.

– Для начала я на него внимательно посмотрю.

...Сержант остался у двери, а Дима, сделав три шага, остановился посреди небольшого кабинета. Было на что внимательно посмотреть: перед милиционерами стоял атлет под метр девяносто, ладный, мощный, не накачанный, а гармонично развитый.

– Свободен, Некляев. А вы, Колосов, присаживайтесь, – распорядился после паузы Геннадий Васильевич.

Сержант Некляев мигом испарился, а Дима неспешно устроился на стуле из ряда у стены.

– Вам сколько лет, Колосов? – спросил Лапин.

– Двадцать три, – ответил Дима.

– А только на третьем курсе. После пяти заходов в институт поступили?

– После двух. А до этого два года службу тащил.

– В каких войсках?

– В ВДВ.

– Вот тебе и доведенный до автоматизма, Костя! – встрял в их диалог Геннадий Васильевич.

– Меня доводить не надо, – зло ответил Дима. – Я сам кого угодно доведу.

– Вот об этом я и говорю, – обрадовался Геннадий Васильевич.

– Что же нам с вами делать, Колосов? – задал риторический вопрос Лапин.

– Ваши проблемы. Все, что мне известно об этом инциденте... – начал было Колосов, но его перебил Геннадий Васильевич:

– Об убийстве.

– Все, что мне известно об этом инциденте, я в подробностях изложил капитану Трофимову. Но, насколько я понимаю, вы не верите ни одному моему слову и трепать меня перекрестным допросом будете долго. А у вас девушка ни за что в обезьяннике парится.

– Что у нее, у Гореловой этой, Геннадий Васильевич? – поинтересовался Лапин.

Тот заглянул в бумажки и сообщил:

– Наркота.

– Тяжелая?

– Да нет, травка.

– Может, действительно с нее начнем? – предложил Лапин.

– Некляев! – заорал Геннадий Васильевич, зная, что сержант за дверью. – Тащи гражданку сюда!

...Гражданка Горелова впорхнула в кабинет и, ухватившись обеими руками за прострочку джинсов, сделала книксен.

– Чуть свет – и я у ваших ног! – Грибоедова процитировала.

– Давно уже не чуть свет, – поправил ее Геннадий Васильевич.

– Я в вашем козлятнике с пяти утра, – не согласилась девица.

– Участие в несанкционированных акциях антиглобалистов, публичные скандалы, драки с милицией и вот теперь наркота. Ох, и надоела ты мне, гражданка Горелова! – кисло, будто лимон проглотил, заметил Лапин.

– Бригадир, ты меня хоть раз занаркоченной видел? – азартно спросила дева.

За Лапина ответил Геннадий Васильевич:

– А сегодня на тебе два пакетика нашли.

– Чтобы на мне, три года суетиться надо. Не на мне, а рядом со мной. Пакеты не мои. И точка без запятой.

– Ну а все-таки, как они у тебя под рукой оказались? – ехидно поинтересовался Геннадий Васильевич.

– Все очень просто, господа начальники. Притомилась к утру на топтодроме и, естественно, пошла к стойке охладиться. Устроилась на насесте, и сразу ко мне какой-то карлуха

приклеился. Ля-ля-тополя и все такое прочее. Потом он на минутку сделал отскок – в бундесрате анакондой потрясти...

– Горелова, ты по-русски изъясняться можешь? – не выдержал Лапин.

– Пожалуйста, – охотно согласилась девица. – Он вроде бы в уборную поссать пошел, а сам, как я сейчас понимаю, локотком пакетики ко мне придвинул. Надо полагать, что ваши сапоги своего самокатчика ко мне подвезли, чтобы несчастную курочку Олечку Горелову в узилище определить. А, начальник?

– Вот что, Горелова, – утомленно произнес Лапин. – Ты головная боль всего Центрального округа. Делаю тебе последнее предупреждение...

– Сто семнадцатое серьезное, – перебила она.

– Не считал. Но учти: еще один твой фокус – и я найду для тебя подходящую статейку в Уголовном кодексе. Свободна. Иди.

– Некляев! – опять заорал Геннадий Васильевич. – Проводи ее до дому!

Вошел Некляев, осведомился:

– До какого, товарищ подполковник?

– До порога нашего. И на прощание дай ей под зад!

– Будет исполнено, – охотно откликнулся Некляев. И Ольге: – Пошли.

– Адье, благодетели мои! – попрощалась она и, подмигнув Диме, удалилась с Некляевым.

– Как вы считаете, Колосов, – обратился к Диме Лапин. – Она по-настоящему тащится?

– Да нет, – уверенно ответил Дима. – Обыкновенный стёб.

– Стёб так стёб, – согласился Лапин. – Давай-ка кое-что у тебя уточним в Трофимовском протоколе.

* * *

Дождик пошел, решительный весенний дождик. Да и холдновато, видимо, стало: Олечка Горелова, прятая под козырьком продовольственного магазина, приплясывала на месте, зябко обхватив себя обеими руками. Ей бы в метро греться, а она чего-то ждала.

Не чего-то, а кого-то: как только из отделения милиции вывалился Дима, она пошла за ним в арьергарде. Он шел, ни на кого не глядя и ничего не замечая. Она пристроилась к нему вплотную. Так и следовали – шаг в шаг. Наконец, ей это надоело.

– Димон! – гаркнула она ему в ухо. Тот аж присел от неожиданности, но все понял и резко обернулся.

– Не нависай, Ольга. Ей-богу, не до тебя.

– Я голодная. Пойдем, зажем чего-нибудь. Здесь кафешка неподалеку дешевая.

– Спасибо, но не могу.

– Не можешь или не хочешь?

– Хочу, но не могу. Все капиталы – десятка мелочью.

– Ты у меня сегодня в барсиках походишь. Не кривись, потом возместишь. И ножками веселей перебирай, а то я замерзла, как Федор Конюхов на Северном полюсе.

...Кафушка, каких много по Москве. Пластиковые столы и стулья, стойка у темной стены, попса из магнитофонных колонок.

Допили пиво, дожевывали шашлыки. Ольга безапелляционно наставляла:

– Главное – не отступай от своего, Дима. Они тебя умасливать будут, только чтобы ты жмурика на себя взял. Мол, убийство по неосторожности при самообороне. За это, дескать, условный срок. Им, сапогам, лишь бы поскорей раскрываемость обеспечить и дело закрыть. А ты им, как попугай, про желтое пальто. На кой хрен тебе судимость?

– У меня со свидетелями слабовато. Только Наташка.

– А у них никого.

– Я не убивал! – вдруг яростно прокричал Дима.

– Да знаю я! – рассердилась Ольга и вдруг сдавленно: – Стоп! Оглянись поестественнее и посмотри на парня у стойки. Он за нами от самого отделения шел.

Дима небрежно и равнодушно, все-таки в актеры готовился, осмотрел зал, мазнул взглядом по стойке, у которой со стаканом в руке существовал рослый малый в кожаном пальто.

– Мент? – попросил консультацию у более опытной Ольги.

– Не похоже. Да и зачем им тебя водить? Знают, что ты

никуда не денешься.

– Тогда кто?

Он сидел спиной к стойке и поэтому не видел, как малый в коже уже направился к ним.

– Сейчас мы от него и узнаем, – сказала Ольга.

Малый с ходу взял быка за рога; не замечая Ольги, он обратился к Диме:

– Брателло, у авторитетного человека к тебе базар имеется.

– Не понял, – тяжело сказал Дима.

– Выйдем. Растолкую.

– Сей момент. Только обожди, пока я валенки зашнурую.

Малый тухло, по-приблатненному, глянул на него. Недолго смотрели друг на друга, глаза в глаза.

– Когда дошнуруешь – выходи. Я ждать буду.

Малый вразвалку шел к выходу. Оля сказала испуганно:

– Из блатных, Дима. И крутой. Что делать будем?

– Доедим и пойдем в другую сторону, – спокойно решил Дима.

– А если он не один?

– Лишь бы не пятеро.

...Он ждал прямо на выходе. Увидев их, ослабил устрещающую улыбкой.

– Скажи мне словечко типа «да», фраерок.

– Я глухонемой, дружбан ты мой ненаглядный, – сказал Дима и легонько толкнул Олю в бок – чтобы отошла.

– Тебя что, давно не гнули, студень? – спросил малый и всей пятерней попытался сделать смазь – провести растопыренными пальцами по Диминому лицу. Но Дима легко ушел от его руки и на шаге влево правой нанес почти незаметный на глаз мощный удар в печень, прикрытую франтовской кожей. Глаза у малого выпучились и не видели второго удара, который пришелся в солнечное сплетение. Малого согнуло. Дима за ухо приподнял коротко стриженную голову и сказал недоуменно:

– Я почему-то не согнулся, а ты – наоборот. – И притихшей Оле: – Пошли, а то я на движение опаздываю.

Малый уже присел на тротуар. Оля, которая панически спешила, и Дима, который настойчиво удерживал ее, достоинно двинулись к метро. Мимо них медленно проехал джип «Мицубиси». Оля лихорадочно обернулась и увидела, что джип остановился рядом с присевшим малым.

– Дима, это, наверное, тот джип, на котором твое желтое пальто уехало! Делаем ноги!

И рванулась. И вновь ее Дима удержал.

– Тот был «лексус», а этот «мицубиси». Сейчас главное – не дергаться.

...Элегантный набриолиненный красавец из джипа, взявшись за то же ухо, помог подняться еще мало что соображавшему бойцу. Заглянув в чумовые глазки, укорил потечески:

– Я же просил вежливо, по-братски, на улыбке.

Малому наконец удалось полноценно вдохнуть.

– А я как? Даже брателлой этого фофана окрестил.

– Даже! О господи, сколько раз себе зарок давал не поручать деликатных дел исполнителям.

* * *

Плохонькое пианино дребезжаще извергало под пальцами серьезной седовласой дамы нечто смахивающее на регтайм. Поджарая женщина средних лет вольно вышагивала по паркету профессионально вывернутыми ступнями мускулистых ног и настойчиво отсчитывала, подчеркивая синкопированный ритм:

– И раз... И два... И три...

В полотнах солнечного света висела пыль. Она была неподвижна, а молодцы и молодницы третьего курса стремительно и в лад перемещались от стены к окнам и обратно.

– И раз... И два... И три... Руки, руки, девы!

Захар Захарович решительно распахнул дверь, вошел в зал, помотал башкой и сказал сам себе:

– Ну и дух тут! – И уже женщине с поступью балерины: – Людочка, можно вас на минутку?

Женщина Людочка три раза хлопнула в ладоши и объявила:

– Перерыв! – Подошла к Захару Захаровичу и произнесла с холодной безукоризненной уважительностью: – Слушаю

вас, профессор.

– Зачем уж так торжественно – профессор? Вы бы просто и сразу: народный артист России и кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» третьей степени.

– Вы все шутите, Захар Захарович, а мне не до шуток. Колосов, который, по сути, ведет всех, на полчаса опоздал, и вот вы...

– И мне не до шуток, Людочка, – он глянул на часы. – Всего двадцать минут осталось. Распустите их, а?

– Не в силах отказать народному артисту и кавалеру ордена «За заслуги перед Отечеством». Да и занятия, собственно, уже сорваны. – Она обернулась к выжидательно замершим студентам: – Все! Финита на сегодня.

А Захар Захарович рявкнул:

– Колосов, иди сюда!

Народный артист и кавалер отвел студента в безлюдный торец коридора и с шипящим возмущением спросил:

– Ты понимаешь, что ты наделал, обормот несчастный?

– Я никого не убивал, – без всякого выражения твердо сказал Дима. – И пока прохожу у них как свидетель.

– Именно пока! Убивал не убивал – какая разница! Вдруг посадят, а у меня три премьерных спектакля подряд. А ты без дублера! – Захар малость успокоился и заботливо поинтересовался: – Тебя посадят?

– Вам полковник Лапин позвонил? – вопросом на вопрос ответил Дима.

– Лапин или не Лапин – уже не помню. Но какой-то полковник.

– Ему лучше знать: посадят меня или не посадят. У него надо спрашивать.

Захар Захарович опять взвился:

– И спрошу, нахал ты эдакий! И спрошу!

Он развернулся и зашагал прочь. Группа, которая осторожно подступала к торцу коридора, в деланом испуге прижалась к стенам, пропуская разгневанного мастера.

Первыми, как бы по праву некоторого соучастия, подошли к Диме Наталья и Алексей, который мягко поинтересовался:

– Ну и что он?

– В горе от того, что меня посадят.

– Вот уж не думала, что наш Захар такой сердобольный! – изумилась Наташа.

– А ему в спектакле заменить меня некем, – завершил незаконченную фразу Дима.

– В ментуре-то у тебя что? – спросил Леха.

– А черт их знает!

Группа была уже рядом, слушала непонятный разговор. Когда же возникла пауза, ее прервал радостный вопрос Ксюшки, партнерши Димы по спектаклю:

– Дима, а какие чувства возникают у человека после того, как он убил?

Алексей глянул на Ксюшку и повертел пальцем у виска:

– Знал, что кретинка, но не до такой же степени.

Но Ксюшка, поблескивая азартными глазами, пояснила:

– Ну, конечно, ты не убивал! Но чувства человека, обвиняемого в убийстве...

– Ты чего несешь, метелка? – взорвавшись, злобно перебила Наталья. Но готовый у нее уже монолог не дал произнести Захар Захарович, спешной иноходью приближавшийся к ним. Подошел, удавшим взглядом окинул всех и приказал:

– Ну-ка все в аудиторию.

– А до начала еще двадцать минут! – напомнила нахальная Ксюшка.

– Тогда в буфет. А ты, Дима, останься.

Они смотрели, как группа удалялась, на ходу что-то оживленно обсуждая. Ребята размахивали руками, иногда притормаживали, сбиваясь в кучку, но уходили, уходили.

– Я только что позвонил одному своему знакомцу, первому теперь адвокату на Москве, – сказал Захар Захарович. – Он дал согласие защищать тебя.

– Незачем меня защищать. Я свидетель.

– Сегодня свидетель, а завтра...

* * *

...Скульптурный юноша подхватил девицу в лифчике и шортах под мышки и вознес к себе на пьедестал. Она обеими руками обхватила его за шею.

ДЕВИЦА. А я его старым хреном обозвала. Ужель он прав, и он – гений?

Скульптура деловито расстегивала на ней лифчик.

Пошел занавес. Ксюшка, пряча мелкие титьки в лифчик, плачуще спросила:

– Ты зачем меня за сосок дернул? Больно же!

– А ты зачем меня в прошлый раз изо всей силы по бубенцам ударила?

– Я же по роли, Дима!

– А я сымпровизировал, чтобы узнать, какие чувства возникают у человека после того, как его дернули за сосок.

– Балда! – отметила Ксюшка.

За занавесом гудели аплодисменты. Захар Захарович обнял их за плечи и сообщил как нечто ошарашивающе-неожиданное:

– Сейчас все подойдет, и на первый выход!

– Захар Захарович, ну не могу я в этом водолазном скафандре публике кланяться! Можно, я переоденусь? – взмолился Дима.

Захар Захарович от успеха стал великодушен.

– Ладно, ладно, только быстренько! К третьему вызову успеешь!

Дима распахнул дверь общей гримерной. В одном из крутящихся кресел вольготно восседал элегантный набриолиненный красавец. При виде Димы он встал и, обаятельно улыбаясь, поздравил:

– С блестящей премьерой вас, Дмитрий.

Расстегивая комбинезон, Дима грубо осведомился:

– Кто вы такой?

– В настоящее время – поклонник вашего таланта.

– Какого из двух? Того, который позволяет мне пятнадцать минут неподвижно стоять в идиотской позе, или того, который дает мне возможность быстро без проблем освободиться от назойливых собеседников?

– Какой слог! Какие обороты! Уроки Захара Захаровича не прошли даром. Так, значит, вы обернулись тогда, спешно покидая кафе?

– Что тебе от меня надо, клещ? – еще грубее спросил Дима.

– Зови меня просто Беном, Димон.

– Бен? Большой Бен?

– Большой Бен – это часы. Я – просто Бен. А надо мне, чтобы ты в подробностях и без утайки рассказал о происшествии в магазине. Кто завалил пацана, Димон?

– А если я? – небрежно, вопросом на вопрос, ответил Дима. Сильно не нравился ему визитер, всем не нравился. И темным, непонятным разговором, и настойчивостью, с которой доставал его, и изысканным пробором, как у киношного фата двадцатых годов Адольфа Менжу, и ядовитым запахом французской парфюмерии. А главное: откуда он, для чего он, чей он?

– Судя по тому, как ты с моим солдатиком распорядился,

мог, конечно. Но зачем? Смысл, смысл? Нет смысла. Так кто же убил?

– Тот, кому это было надо. – Дима, уже натянувший джинсы, надевал перед зеркалом свитерок. Любезный Бен приблизился и спросил игривым шепотом:

– Если скажешь, кому это надо, большой навар поимеешь, артист.

Голова как раз пролезала через вырез свитера, поэтому голос Димы прозвучал глухо:

– Отойди, от тебя пачулями пахнет. – Одеколонный дух проникал даже через плотную шерсть.

– Что ты сказал? – не понял Бен и обиделся. Дима, уже в свитерке, за плечо развернул Бена к выходу и все разъяснил:

– Это не я. Это Гаев в «Вишневом саде». Пошли отсюда, Бенедикт.

– Ты мне не ответил.

– Как-нибудь в другой раз, мой дядя Бенджамин. А сейчас мне некогда, на последние выходы надо успеть.

Вышли из гримерной. Перед лесенкой, спускавшейся вниз, Дима притормозил и сказал сочувственно:

– Да и тебе, я вижу, некогда. Спешу, Бен Ладен!

Он рывком развернул красавца к себе спиной и футбольным ударом по заднице отправил его вниз по ступеням. Задницей Бенджамин, он же Бенедикт, он же Бен Ладен, пересчитал их все. Внизу поднялся, невозмутимо поправил бриолиновый пробор, посмотрел вверх на Диму и предрек:

– Обещаю, шнурок, что очень скоро я тебя переобую.

– Передай пламенный привет своему кожаному закадыке! – завершил оживленный диалог Дима и направился туда, где гремели аплодисменты.

...Сравнительно прилично одетая Ольга при виде вышедшего на сцену Дмитрия прорвалась в первые ряды и завизжала так, что даже ко всему привыкшие поклонники андеграунда с опаской поглядывали на нее:

– Колосов! Колосов!

Не заметить ее было невозможно. Они встретились глазами, и Дима незаметно показал ей кулак. Что добавило ей энтузиазма:

– Колосов – гений! Колосов – гений!

Не раскрывая губ, углом рта стоявший рядом Захар Захарович гневно поинтересовался:

– Опять твои примочки, мерзавец?

– Чуть что, сразу Колосов! – фальшиво проныл Дима.

Пошел занавес. Захар Захарович, не глядя на Диму, руководяще распорядился:

– Жди меня в буфете. Есть разговор.

* * *

После спектакля публику в буфет не пускали. Дима взял бутылку пива и один устроился за угловым столиком.

В буфет вошли четверо во главе с Захаром Захаровичем.

Бородатый, косолапый интеллигент в нелепой курточке, высокий, в годах (но на вид не старик) господин в распахнутом плаще с тростью через руку и сногшибательная дама в легкой собольей пелерине. Захар Захарович поискал глазами, нашел кого надо и кивнул:

– Вон он, мой растреклятый ученичок!

Все четверо направились к Диме. Он, поспешно допив пиво, вежливо поднялся. Стоял, во все глаза рассматривая приближавшуюся даму.

– Знакомься, – сурово предложил Захар. – Ирина Игнатьевна, ее супруг Иван Александрович и, наконец, Гера, Геральд Иович Максимец, мой дружок и твой адвокат.

Во время представления Иван Александрович по-хозяйски уселся за стол, положил подбородок на рукоять драгоценной своей камышовой трости и полуприкрыл глаза. Сейчас он был похож на вздремнувшего удава из мультика. Дослушал Захара и не согласился:

– Он мой адвокат, Захарыч, – в слове «мой» звучало право собственника.

– Ваня... – укорил его Геральд Иович.

Прерывая возникшую неловкую паузу, Дима бойко предложил:

– Вы рассаживайтесь, а я мигом пивка принесу.

Иван Александрович оторвал подбородок от рукояти трости, приоткрыв одно веко:

– Как говаривали в дни моей молодости, кто пьет пиво,

тот сыт криво...

– Иван Александрович... – грудным сопрано осудила его Ирина Игнатьевна.

Иван Александрович, не оборачиваясь (он сел спиной к стойке) три раза отчетливо ударил тростью по столу. Неизвестно как, но буфетчица оказалась рядом с ними почти мгновенно.

– Слушаю вас, – пропела она с подобострастным оскалом-улыбкой.

– Значит так, голубка моя сизокрылая... – Он глазами пересчитал присутствующих и продолжил: – Четыре бутылки шипучки и фруктишек разных, которые у тебя найдутся. На банкет нас Захарыч не пригласил, но мы люди не гордые, скромненько отметим его успех в узком кругу.

– Иван... – теперь пришла очередь Захара Захаровича укорять большого друга.

...Дима умел вскрывать шампузею всухую, с малым пуком, но на этот раз из первой бутылки устроил праздничный фонтан. Слегка в стороне от стола. Остатки разлил по фужерам.

– Можешь, – одобрительно заметил Иван Александрович.

– Я все могу, – скромно сообщил Дима.

– В том числе и попадать в идиотские и опасные переделки, – злобно добавил Захар Захарович.

Настало время вступить в разговор Геральду Иовичу:

– Мне Захар все изложил в подробностях. В шахматах это

так называемое патовое положение, – начал он, глядя на Диму. – Твердых доказательств у обвинения нет и быть не может. Дореволюционный суд присяжных в подобных случаях выносил забавный вердикт: оправдать, но оставить под подозрением...

– Об этом ты с Димой поговоришь в другое время, – прервал адвоката Иван Александрович. – А сейчас мы побеседуем о королях и капусте.

– Сначала о зеленой капусте, а потом о королях, – уточнил Захар Захарович и сам посмеялся своей шутке.

– Ох, и меркантильный же ты, Захарыч! – осудил его Иван Александрович.

– А ты думаешь, что настоящую студию я смогу организовать за бесплатно?

– Какую студию?! – вскинулся Дима.

– Хочу иметь свой театр-студию молодого актера. Старые пердуны мне неинтересны, – Иван Александрович повернул личико к Захару, ослабилась. – За исключением Захарыча, который, как древо жизни, вечно зеленеет.

– А кого вы в этот театр возьмете, Захар Захарович? – быстро спросил Дима.

– Пятерых из предыдущего выпуска, человек шесть-семь с нашего курса.

– А меня?

Захар не успел ответить, снова вмешался Иван Александрович:

– Может, ты и вправду, гений, как сегодня кричала та девчушка? Вроде Кина, гений и беспутство, а?

– Чего-чего, а беспутства у нас достаточно, – проворчал Захар.

– В финале сегодняшнего спектакля Дмитрий был весьма выразителен, – не то куснула, не то восхитилась Ирина Игнатъевна.

Иван Александрович грустно глянул на нее:

– Еще бы! Эдакий Шварценеггер!

– Иван Александрович! – взмолилась Ирина Игнатъевна.

– Играть мускулатурой ты можешь, это мы видели, – Иван Александрович хватким взглядом изучал Диму. – А по-настоящему играть?

– Захару Захаровичу виднее, – скромно ответил Дима.

– Помимо программы мы без особой афишки всем курсом репетируем все упомянутого тобой Дюма. Хочется дьявольской интриги, шизофренических страхов и ужасов, открытого темперамента в ликующем актерском беспределе...

– Надо полагать, «Нельская башня», – перебил догадливый Иван Александрович. – И наш Дима в роли Буридана?

– Излишне ты образован и проницателен для олигарха, – недовольно заметил Захар.

Вторую бутылку Дима открыл без фейерверков. Разлил по фужерам и произнес тост:

– За будущий театр.

– Спокойнее, деточка, – остановил его Иван Александро-

вич. – Нельзя за будущее. Сглазишь.

– Тогда за Диму в роли Буридана. Ведь он уже репетирует, – решила Ирина Игнатьевна.

– Как там в финале у Дюма? – Иван Александрович посмотрел на Диму. Вспомнил: – Здесь нет королевы и первого министра. Здесь только двое убийц.

– Шутки у вас, боцман! – разозлился Захар.

– Извини, Дима, – искренне повiniлся Иван Александрович. – Вот ведь память! Совсем забыл...

– Память у тебя лошадиная, – вставил Захар.

– Та девушка, наверное, заждалась, – вдруг вспомнил Иван Александрович. – Ты иди, обрадуй ее... А мы здесь еще по-стариковски потолкуем.

Геральд Иович протянул Диме свою визитку и добавил:

– В любой день недели с трех до пяти. Лучше всего послезавтра. Я вас жду. Посоветую, как с юридическими крючкотворами себя вести.

Дима с поклоном принял карточку и вежливо удалился.

– Буридан... – сказал Иван Александрович. – А не молод он для Буридана, Захарыч?

* * *

Она и вправду ждала. В черном, длинном в талию легком пальто она гляделась молодой интеллигенткой. И ждала чинно: скромно стояла в стороне от главного театрального ан-

тре. Увидела его, пошла навстречу.

– И как у меня получилось? – спросила она невинно.

Дима взял ее за плечи, посмотрел в веселые глаза:

– Ольга, ты всегда такая отвязанная?

– Не-а. Иногда устаю.

– Устань на сегодняшний вечер. Сможешь?

– Пожалуйста. – Она взяла его под руку. – Конец мая, а такая холодина. Ты не находишь?

– Нахожу, – тупо, от неожиданности вопроса, ответил он.

– Но метеорологический профессор по НТВ обещал в скором времени резкое и долговременное потепление. Тебя это радует?

Нет, ему пока не совладать с райкинскими трансформациями лихой московской девицы. Или дамочки? Отвязанная приклатненная герла в ментуре, разумно четкая в беседе за столом кафушки, испуганная девочка при виде рядового, малой крутизны, гоблина, воспаленная кликуша на вызовах, ловко изображающая интеллигентку вот здесь, сейчас, под дождем. Какая она на самом деле? Докопаться, дознаться, догадаться бы. Тогда бы и случился ответ на мучающий вопрос: для какой цели она зацепила его? Вряд ли польстилась на мужские стати. А первая встреча с ней – случайность, нет?

Они миновали проезжую часть и пологим бульваром поднимались к Петровским воротам. Дима приходил в себя.

– Меня радует, что ты, как законопослушная гражданка, исправно смотришь по телевизору политические и культур-

ные новости, – подыграл ей Дима.

– Хватит, поигрались, – решила Ольга. – Как дела в институте?

– Полковник Лапин позволил себе позвонить мастеру, Захару.

– А твой Захар что?

– Уговорил самого лучшего адвоката меня защищать. А зачем защищать свидетеля? Да ладно об этом! Как вслед за О’Генри выразился Иван Александрович, поговорим о королях и капусте.

Они свернули и уже шли по Петровке к Садовому:

– Кто такой Иван Александрович?

– Олигарх, – кратко ответил Дима и огляделся. – Господи, опять этим маршрутом! Разворачиваемся, идем на Пушкинскую.

Они, нарушая, перебежали Петровку и, минуя Голицынскую больницу, на Страстной.

– Ты не спешишь? – спросила Ольга.

– Не спешу. В общагу неохота. К сочувствующим.

– Тогда давай ко мне. Папа-мама на даче цветочки сажают.

Они как истинные русские интеллигенты страстно стремятся сродниться с землей-матушкой.

– И получается?

– Ни черта подобного. Клубника не плодоносит, цветочки вянут.

– Ну, допустим, один цветочек они вырастили. Тебя.

– Комплимент? – угрожающе спросила она.

– А что, нельзя?

– Валяй, если тебе так хочется. Мы идем или не идем?

– Мой Джек – чрезвычайно умная собака. Я его спрашиваю: Джек, ты идешь или не идешь? И Джек идет или не идет.

* * *

...Дима с неосознанным почтением бродил по старомосковской квартире. Удобные для неторопливых бесед уголки с немодными и восхитительными креслами в двух комнатах. В одной высокое бюро, в другой – письменный стол красного дерева. Обиталище родителей. Комната Ольги, неожиданно аккуратная, с причудливой мебелью. Орех без дураков. Столовая с громадным буфетом и необъятным столом. И во всех комнатах – книги, книги. В шкафах, на стеллажах, на полках.

– Насмотрелся?! – крикнула из кухни Ольга. – Иди сюда!

Он послушался. На кухонном столе все в готовности: салат горкой, буженина тонкими ломтиками, хорошая рыбка пластами. И бутылочка «Гжелки», естественно.

– Садись, – приказала она.

– А я думал, что ты меня как дорогого гостя за большим столом потчевать будешь, – не скрывая огорчения, сказал Дима.

– Столовая понравилась?

– Мне все у вас нравится.

– Что ж, за столом, так за столом.

Чокаться – не дотянуться через неохватный стол. Ольга подняла рюмку и, глядя на нее, не на Диму, горячо произнесла:

– Все должно быть хорошо! Да будет так!

Дима согласился, потому выпили вместе. Закусывали. Повев, Дима откинулся на спинку стула. Книги перед ним, хорошие картины...

– Как у тебя получается: от этого мира – на топтодром, в ментовку, за решетку?

Ольга отреагировала спокойно.

– И обратно. Так и получается. Ищу смысл жизни, Дима.

– Ну, гринхипп – понятно. А топтодром, пыхалово?

– Хочу все знать.

– Тогда учись.

– Я философский МГУ с отличием закончила.

– И не помогло, – понял Дима.

– Помогло, – не согласилась она.

– Чем же?

– Выработанным умением быть, когда надо, то умной, то глупой, то жизнерадостной, то грустной, то нежной, то грубой...

– Какая же маска сейчас на тебе? Для меня.

– Я не меняю масок, дурачок. Просто я стараюсь быть каждый миг такой, какой хочу быть в этот миг.

– И какая ты сейчас?

– Сытая и недопитая. Давай посуду на кухню отнесем и ко мне с малопочатой бутылкой. Под хорошее яблочко.

...Выпили по второй и сразу же – для подобающего эффекта – по третьей. Похрустели яблоками. Оля положила свой огрызок в пепельницу и, подойдя к музыкальному комбайну, врубила музыку. Мягкий, вроде бы давно забытый, но родной до холодка в груди голос-полусшепот Клавдии Шульженко:

В запыленной пачке старых писем
Мне случайно встретилось одно,
Где строка, похожая на бисер,
Расплылась в лиловое пятно.

– Ну, мать, ты даешь! – удивился Дима. – Всего ожидал: «Металлика», «Мотли Крю», «Аэросмит», даже в крайнем случае Эллу Фицджеральд. А тут – Шульженко.

– Мой девиз, Дима, все – на контрасте. Когда я байкерилась по малости, на аппарате скорость сто пятьдесят, а в ушах – душевные романсы.

Хранят так много дорогого
Чуть пожелтевшие листы.
Как будто все вернулось снова,
Как будто вновь со мною ты.

Не спросясь, Дима налил себе и выпил один. Вместо за-

куски нюхнул ладонь и вдруг глухо заговорил, глядя в пол:

– Ночная Волга, а по ней – сказочным чудом с яркими огнями в окнах и на палубе белый теплоход. И Шульженко над водами. Тогда капитаны, еще старого закала, любили Шульженко. А я на засранном берегу с тоскою смотрю, как уплывает от меня настоящая жизнь.

Ольга подошла к нему, погладила по коротко стриженной голове.

– Расскажи о себе, Дима.

– Сейчас не хочется. Как-нибудь в другой раз.

– Тогда потанцуем?

– Давай Шульженку с начала.

В запыленной пачке старых писем

Мне случайно встретилось одно...

– Ты хорошо танцуешь, – сказала она.

– Пятерка по движению и танцу.

И замолчали. Ладно двигались в томном удовольствии. Ольга щекой осторожно коснулась широкой груди отличника по движению и танцу.

– Здоровый какой, – сказала тихонько.

Он не ответил, только аккуратно коснулся подбородком ее макушки.

«...не надо письма наши старые читать!» – допела Шульженко.

Ольга, встав на цыпочки, поцеловала его в щеку. Он, наклонившись, летуче коснулся губами ее шеи. Постояли, обнявшись. Потом вдруг Ольга ударила его кулаком в грудь, вывернулась из его рук, заявила с непонятным смешком:

– Опасная эта штука – танго.

– Смертельный танец? – вопросом ответил Дима.

– Именно так. То ли дело брейк-данс крутить – никакого общения.

– Следовательно, не желаешь со мной общаться, – понял он.

– Только интеллектуально. Только интеллектуально, Дима.

– Не особо приспособлен к такому общению.

– Понятно. Тебе проще руками и прочими конечностями.

– Не надо так, Оля.

– На тебя не угодишь. И так не желаешь, и этак, – Оля глянула на настенные часы. – Ого, половина второго! Все, допиваем, и в койку.

– Вот это по-нашему, по-советски! – наигрывая, обрадовался Дима.

Невозмутимо разлив последнее, Оля дала пояснения:

– В койку – я. А ты на диван в отцовском кабинете, – присела за журнальный столик, спросила: – За что пьем?

– За то, чтобы я как можно скорее узнал, кто ты такая.

...Разбросал простынку по кожаному дивану кинул подушки в изголовье, приспособил одеяло и присел поверх

него. Посидел, подумал. Встал и вышел из кабинета. У двери Олиной комнаты остановился и подергал дверную ручку. Дверь не открылась, но издала дребезжащий звук.

– Ну что ты нервничаешь? – донеслось из-за двери. – Дверь заперта на ключ. Спи спокойно, дорогой товарищ.

...Закинув руки за голову, он лежал на диване и улыбался.

* * *

– Сюжет для небольшого рассказа, – решил Тригорин-Колосов и что-то записал в небольшой книге.

– Все! Все! С десятого раза что-то получилось, – сдержанно похвалил Захар Захарович, выйдя к актерам на площадку. Его окружили Алексей – Треплев, Нина Заречная – Наталья и Тригорин – Дима. – Вот какая заковыка, друзья мои: дикий перекося получается у нас в отношениях Нины с двумя Т. Наталья, не гляди на меня змеиным взором, дело не в тебе. Дело сейчас в фактурах двух мужиков. Воленсноленс для зрителя наша Нина должна влюбиться не в сублильного дергающегося неврастеника Лешу, а в рослого могучего Диму. И внушай этому зрителю, не внушай, что Нина влюбилась в ея самой же выдуманый талант Тригорина, он изначально подсознательно будет считать, что она от некрасивого ушла к красавцу. Конечно, есть простительная условность – вы студенты, вы все одного возраста. Но... Но... Но... – И вдруг Захара осенило: – Димка, а что если ты заикаться будешь?!

– С...с...сюжет для небольшого рас...с...сказа, – попробовал Дима.

– Г...г...где здесь школа для з...з...заик? – вспомнил старый анекдот Леха. – А зачем вам школа? Вы и так хорошо заикаетесь.

– Не к месту, Алексей, – осадил его Захар. – А в общем, подумайте все вместе, и я подумаю. Дима, у меня к тебе разговор.

...Двинулись в любимый свой торец коридора. Там Захар Захарович достал сигарету, щелкнул зажигалкой, затянулся.

– Звонил Гера. Завтра он улетает в Киев. Там срочные Ванькины дела. Хотел бы, если ты, конечно, можешь, чтобы ты заскочил к нему сегодня.

– Нет проблем, – беспечно согласился Дима.

...Контора Геральда Иовича Максимца находилась где-то в замоскворецких переулках. Дима вылез из дыры станции метро «Третьяковская» и по Большой Ордынке двинул к конторе. Он переходил улицу, когда метрах в тридцати от него остановился джип «Лексус». «Лексус» как «лексус», мало ли их бегает по Москве? Но из джипа выпрыгнул человек в верблюжьем рыжем пальто до земли, в касторовой шляпе, в темных драгоценных очках. Дима замер, а человек что-то сказал водителю, и «лексус» уехал. Рыжее пальто зашло в продовольственный магазин. Диме ждать долго не пришлось: человек вышел из магазина и свернул в переулок. Держа дистанцию, Дима последовал за ним.

Человек магнитным ключом открыл входную дверь хорошо отреставрированного старинного доходного дома. И исчез. Дима успел поставить ногу еще до того, как широко распахнутая дверь должна была закрыться. Он подождал недолго, вошел в подъезд и, преодолев прыжком пять ступенек, оказался у лифта.

Рыжего пальто он не увидел. Зато увидел черную куртку. Потеплело, и, видимо, поэтому малый из пальто перелез в куртку.

Но теперь малому, который так ласково называл его брателлой, ни пальто, ни куртка не были нужны: он был мертв. Глаза, которые когда-то угрожали Диме, были бессмысленны и пусты.

Дима не слышал, как подъехал лифт, но услышал, как открываются дверцы. Он поднял глаза. Ухоженная дама с ужасом смотрела то на Диму, то на малого. Отчаянно вскрикнув, она нажала на кнопку, и дверцы спасительно закрылись.

Дима шел по Большой Ордынке, потом по Большой Полянке, неизвестно как выбрался на Якиманку.

Он шел, сам не зная куда.

Глава II

Полковник Лапин в сопровождении двух молчаливых молодых людей миновал малую толпу старушек и вошел в распахнутую дверь подъезда хорошо отреставрированного старинного доходного дома. У лифта – дым коромыслом: опера с земли, белые халаты, участковый в чумовом столбняке. Санитары уже накрывали тело на носилках. Лапин жестом остановил их и, присев на корточки, глянул в мертвые глаза, на татуированные запястья. Спросил не оборачиваясь:

– Как его, док?

– Переломили шейные позвонки, – ответил один из белых халатов. – Если голой рукой, то действовал мастер. Подробности после вскрытия.

Лапин прикрыл тело и разрешил:

– Что ж, несите. – Проследил за тем, как уносили, и равнодушно поинтересовался у местных оперов: – Здешний, пришлый?

За оперов ответил слегка заторможенный участковый:

– Говорят, он сюда часто ходил. В тридцать четвертую квартиру.

– Хозяев тридцать четвертой опросили? – это уже к операм с земли.

– Хозяева в Силиконовой долине по контракту на три года. А квартиру сдают, – ответил один из оперов.

– Кому?

– Неизвестно пока.

– Следовательно, арендатора дома нет, – понял Лапин и отдал распоряжение одному из своих молодых: – Валера, квартирные хлопоты за тобой.

– Тогда я пойду, товарищ полковник, – все понял Валера и удалился.

– К себе забираете? – обрадованно догадался опер с земли.

– Куда же нам деваться, Иванцов? – подтвердил догадку Лапин и задал следующий вопрос: – Содержимое карманов у вас?

– Все как полагается, товарищ полковник. Изъято под протокол.

– Он шел в квартиру или из нее. Ключи имеются?

– Вот они, – опер протянул Лапину солидную связку ключей.

Полковник с ходу определил нужные:

– Судя по всему, вот этот и этот. Что ж, пойдем, посмотрим.

– Ордера на обыск пока нет, – напомнил осторожный опер Иванцов.

– А мы не обыскивать, мы посмотреть.

– Это уж как хотите. Вам решать, товарищ полковник. Дело-то теперь ваше.

– Законопослушные у нас на земле опера, – понял Лапин

и обратился ко второму молодому: – А мы, Юра, нарушим с тобой, а?

...Стандарт евроремота – роскошная безликость. Лапин – Юра чуть сзади – ходил по апартаментам, крутя на указательном пальце кольцо с ключами. Осматривали и слегка приоткрывали шкафы, двери темных кладовок, шифоньера, комода, письменный и кухонный столы. В спальне Лапин остановился, продолжая позвякивать ключами. Осмотрелся как следует и пошел вдоль стен, бормоча:

– Куда же мне сейфовый ключ воткнуть?

Приоткрыл ненужную дверцу встроенного платяного шкафа. За обшивкой красного дерева скрывался охряный металл с дырочкой посередине. Лапин выбрал из связки подходящий ключ и вставил в замочную скважину. Щелкнуло, и охряная дверца открылась.

– Ни струя себе – фонтан! – ахнул Юра.

Было отчего выпасть в осадок: аккуратно, как в казарме, шеренгой стояли в своих пазах две снайперские, два автомата с оптическими прицелами, два мощных помповых ружья, а на нижней полке – с пяток пистолетов и револьверов. Лапин закрыл сейфовую дверцу и прикрыл ее дощечкой красного дерева. Спрятал ключи в карман и, подойдя к стоящему посреди комнаты необъятному – три на три – спальному станку, бухнулся на него задом.

Юра, часто моргая, смотрел на Лапина.

– Что делать будем, Константин Георгиевич?

– Забудем обо всем этом до официального обыска, – решил Лапин, откинулся спиной на супермягкое ложе и увидел свое отражение в зеркальном потолке под балдахином. – Здравствуй, Бим! – И сам себе ответил: – Здравствуй, Бом!

– Товарищ полковник... – тихо напомнил о себе Юра.

Лапин нехотя перевел себя в сидячее положение, подмигнул Юре и сказал:

– У тебя, Юрок, дел невпроворот. Все соседи – твои. Не только те, что живут в этом подъезде, но и те, что по двору гуляют. Нужны свидетели, Юра. Добудь мне свидетелей. Хоть одного, а?

* * *

Эlegantный набриолиненный красавец Бен дожидался отъезда последних милиционеров в стекляшке напротив. Пива взял, пару сарделек из микроволновки. Для отмазки. Но не пил, не ел – его слегка колотило.

Вот и полковник Лапин влез в черную «Волгу». Только тогда Бен взялся за мобильник. Осмотрелся. Перед продавщицей малая очередь в три человека, за соседним столиком двое – видимо, местные – под бутылочку обсуждали свершившуюся экстрему, но понятны были только отдельные слова: «жмурик», «ментура», «неизвестно, кто обесточил».

Бен набрал номер, подождал немного и – ни здравствуй,

ни прощай:

– В косяк, дядя. Валет в отбое под нашим деревом, и в дупло, судя по всему, ментозавры уже слазили. Где срастемся? – Помолчал, послушал: – Забито. Все, закрываю калитку.

Он сложил мобильник, так и не притронувшись к пластиковому пивному стакану, вышел на улицу и не спеша направился к своему джипу «Мицубиси», стоявшему за углом.

...В адвокатской конторе солидный, интеллигентный, малость лысоватый и в очках господин изнутри толчком открыл дверь с шикарной табличкой «Адвокат Васильков Сергей Владиленович» и, мило улыбаясь, доложил секретарше:

– Испаряюсь, Надин.

– Страстно надеюсь, что не навсегда, Сергей Владиленович, – изволила пошутить кокетливая Надин. Сергей Владиленович ловко поцеловал ей ручку и ответил столь же шуточно:

– Материализуюсь завтра к десяти.

Он от Мещанской мимо церкви спустился к Самотекам. Пересек с опаской бурную проезжую часть, оказался на обширном и безлюдном предвечернем бульваре и, фланируя, двинулся к маяку – замысловатому зданию театра Советской Армии. Увидев шедшего навстречу Бена, он развернулся и в том же темпе пошагал в обратном направлении. Бен пристроился рядом и начал горестный разговор:

– Завалили Валета.

– Ты об этом мне уже сообщил. Подробности.

– Какие могут быть подробности? Я – как ежик в тумане. Только репу почесал под художественный свист кирюх и бабок. Все к тому, что Валет...

– Вот что, Веня, – брезгливо заметил Сергей Владиленович, – ты слезай с блатной педали. Немолодой уже, а все играешься. Говори по-русски. И без надувной истерики. Боятся пока нечего.

– Нечего? А я боюсь! Валет уже второй. А третий? Я?

– Просил же, без истерики, – опять поморщился Сергей Владиленович. – Подставного арендатора квартиры ты нанимал?

– Валет. За пятьсот баксов.

– Вот и ладушки, как говорится. Жаль, конечно, паренька. Но Валет – не туз.

– Серега, ты все не о том. Нас косят по одному.

– Не нас, а исполнителей.

– Но и до нас скоро доберутся. Кто они, Серега? Кто?!

– Ох, и нервишки у тебя! Отдохнуть тебе следует, отдохнуть. Отоспаться в берлоге. А для начала примем снотворного. На Цветном для этого одно милое заведение имеется.

Они проходили мимо скамейки, на которой неподвижно сидел человек в черной куртке, уронив голову на воткнутые в колени руки. Человек тихо постанывал – произвольно. Бен кивком указал на него:

– Этому снотворное не помогло. Принял, а все равно стоит.

Сергей Владиленович и Бен направились к переходу через Садовое.

Не помогло снотворное, не помогло. Дима оторвал ладони от лица, открыл несчастные глаза, равнодушно глянул на спины удалявшейся парочки, поднял фляжку, стоявшую у ног, допил остатки и швырнул ее в мусорный прискамеечный ящик. Разбросал руки по спинке скамейки, посмотрел на небо, на котором не было ни хрена, поднялся и пошел неизвестно куда.

* * *

...Матерый милиционер в майорских погонах по-хозяйски вошел в кабинет полковника Лапина и положил перед ним на стол компьютерную распечатку. Лапин, занятый телефонным разговором, небрежно отодвинул бумаги в сторону.

– Видела, говоришь? – радостно кричал в трубку Лапин. – Как на даче? Муж увез? И что она по телефону сказала?... Юрик, но чтобы завтра она у меня с утра была! Делай что хочешь, но чтобы была! – Он положил трубку, поморгал, отходя от разговора, посмотрел на майора, посмотрел на бумаги. – Говори, мне читать некогда.

– И этот оттуда, Костя.

– Тоже курганский? Ты их объединяешь?

– А по-другому не получается. До ликвидации группиров-

ки по молодости лет были там на подхвате, поэтому и пролетели мимо суда. Потом, правда, отсидели по три года за неумелый рэкет.

– Оба по одному делу?

– Так точно, гражданин начальник. Плюсуюем их к квартирному арсеналу, и получается покупное смертоубийство.

– Пукалки проверили?

– Две снайперских винтовки чистые. Помповые, как ты понимаешь, определить трудно, считай, что невозможно, а вот один автоматик дважды замазан по нераскрытым у нас и в Питере. И «магнум» участвовал в разборке трехлетней давности.

– Ишь ты, а не сбросил! – удивился Лапин. – Любимая, выходит, машинка!

– Кто-то нам сильно помог, Костя, убрав двух киллеров.

– Исполнителей, Гриша, исполнителей. Судя по родословной, оба – полная тундра, лоб в два шнурка. С ними без нас разобрались, а вот с теми, кто их нынче приспособил, разбираться нам надо.

– Валерка в клюве что-нибудь принес?

– Пустышку, Гриша. Арендатор квартиры – подставной. Интеллигент сраный, тихий алкаш и игрок. Его за пятьсот зеленых гражданин Коркин Вячеслав Семенович, он же Валет, уговорил эту хату на свое имя снять. Кроме Валета, он никого не знает.

– Не темнит?

– Не думаю. Валера – человек серьезный и серьезно с ним разговаривал.

– Что будем делать, Костя?

– А что делать, если в результате разборки-междусобойчика отправился в мир иной киллер, которого ищут пожарные, ищет милиция? Зато мы – герои и молодцы, сумевшие благодаря хитроумной операции обнаружить крупный склад оружия, тем самым предотвратив ужасные преступления.

– Что будем делать, Костя? – настырно повторил майор.

– Будем посмотреть. Ты своими глазками, а я своими. Что-то наши айзы последнее время хреново видеть стали.

– Мои агенты в порядке.

– Тебе повезло.

* * *

Сергей Владиленович вывел из милого заведения благодушного Бена на волю. Вывел, деликатно поддерживая за локоток. Веня хлебнул широкой, расправленной алкоголем грудью свежего весеннего воздуха, оглядел освещенные желтым домашним светом фонарей окрестности Цветного бульвара и слюняво заулыбался:

– Хорошо! Сейчас в свою кибитку и домой, соньку давить!

– Ты свою кибитку здесь оставь. Не хватало, чтобы тебя пьяного за рулем милиционеры остановили. На левом поедешь, джип здесь оставишь, никто его не тронет.

– А пусть трогают! Он у меня на такой хитрожопой сигнализации, что и Кулибину не разобраться! – похвастался Венья.

Левака Сергей Владиленич поймал в момент. На прощание Венья попытался поцеловать благодетеля, но был откинут мягкой рукой на переднее, рядом с водилой, сиденье. Протягивая водиле хорошую купюру, Сергей Владиленич распорядился:

– Доставь по адресу, который он скажет. И без шуток. Я твой номер запомнил.

– Обижаете, господа начальники! – весело обиделся водила. Перегнувшись через Бена, захлопнул дверцу и рванул с места.

Сергей Владиленич вернулся в милое заведение, устроился на насиженном месте, дождался официанта.

– Что еще, Сергей Владиленич? – ласково осведомился тот.

– Ордер на обыск, – столь же ласково откликнулся Сергей Владиленич.

Официант, рассмеявшись, согласно кивнул и удалился. Сергей Владиленич, упершись грудью в край стола, пошарил правой рукой под столешницей.

За дальним столиком немолодой уже, сильно немолодой интеллигент в седой бороде вынул из своего уха нечто похожее на пиджачную пуговицу.

Сергей Владиленич, отсчитав официанту положенное,

не спеша направился к выходу. Борода вышел вслед за ним.

Сменив партнера, Сергей Владиленович вновь фланировал по бульвару, но теперь по Цветному. Спросил у задумчивого бородача:

– Ну и как он тебе?

– Жидковат, – кратко охарактеризовал Бена бородач. – Чем нам полезен?

– Бесстыдством, Глеб, безразмерным и всесокрушающим бесстыдством.

– Для локала вполне подходяще. Но ведь сильно неумен и труслив, а? Ну да ладно. Его концы?

– Я и его пятерка. Больше никаких связей.

– Теперь уже тройка. Кстати, по чьей инициативе он выходил на этого студента, артиста?

– По моей.

– Ошибочка, Сережа, ошибочка. Ход за гранью разумного риска.

– Никакого риска. Мальчонка вляпался случайно, уж поверь мне.

– С удовольствием поверил бы, но... До меня дошли слухи, что этот студент – оборотень из ментовки. А точнее, человек Лапина, который от безнадёги в поисках улики пошел на беспредел.

– Параша, чистая параша, – уверенно заявил Сергей Владиленович.

– Информация от Пекаря.

– Ого! Каналы законников?

– Именно. Так что вряд ли параша. Да к тому же сам подумай: случайный паренек на самом деле двухметровый каратист с черным поясом.

– Считаешь, и Валета он?

– Уложен Валет тем же манером, как и тот, в магазине...

– Откуда знаешь?

– Вот этого я даже тебе не скажу.

– Я Бена завтра отправлю подальше, пусть отдохнет месяца три. Правильно?

– Что ж, пусть отдохнет. А оставшихся без присмотра троих отдай по паролю Чике. И выше голову, адвокат! Нам ничего не грозит. Мы как истинные интеллигенты всегда в стороне.

Бородач Глеб остановился, свободно вскинул руки, с наслаждением потянулся.

– Жизнь прекрасна и удивительна, да, Глеб? – поинтересовался Сергей Владиленович.

* * *

В замызганной однокомнатной квартире полковник Лапин на кухне наблюдал, как по стене от газовой плиты к мойке энергично передвигался упитанный таракан.

– Так куда же вы торопитесь, куда? Поезда. Поезда... – завел было полковник, но замолк, услышав скрежет ключа.

Он вышел в крошечную прихожую. Дверь нагло, с треском распахнулась, и на пороге нищенской конуры обнаружился знаменитый поп-певец, лет пять как секс-символ тинейджеров и тинейджерниц, плейбой и милашка Витольд.

– Здравствуй, Костик, – небрежно поздоровался он, не глядя на Лапина, а брезгливо озирая обшарпанные стены, пол, потолок. – И это называется конспиративная квартира! Конспиративная! Слово-то какое! И такая вот конура.

– Уймись, Витя, – добродушно попросил Лапин.

– Хочешь, я для наших с тобой встреч квартиру в кондоминиуме куплю? – говоря это, Витольд выскочил за дверь и вернулся с объемистым пластиковым пакетом. – Я тут с собой кое-что прихватил, что ж всухую разговоры разговаривать.

Плейбой Витольд и в этом был мастак: мигом превратил мелкий кухонный столик в стол, что называется, яств. Бутылка «Чивас ригал», бутылка «Энесси», икорка, севрюга в мастерском наряде, горячая, размером с генеральскую фуражку пицца и сопутствующее. Расставив все по местам, он развалился на хлипкой табуретке, как в кресле – используя вместо спинки замурзанную стенку.

– Так ведь надеремся, Витя, – понял Лапин, усаживаясь напротив.

– Постепенно. До того, как в пампасы уйдем, успеем поговорить.

Витя разлил по граненым стаканам, Лапин произнес тост:

– Со свиданьицем. Долго же я его дожидался.

– Нечем было тебя порадовать, Костик, – ответил Витольд выпив.

– А сегодня?

– Кое-что имеется, – Витольд разливал по второй. – Вчера к анклбену из Лумумбы прибыл таджикский басмач с полным чемоданом темноты.

– Не новость. Уже на поводке.

– Хорошо работаете! – похвалил милицию Витольд. – За нашу милицию.

Выпили.

– Только из-за Максимки и душанбинского урюка ты бы мне не звонил. Что еще?

– Блатари всюду шуршат о преждевременной кончине двух гасильщиков. – Витольд, не глядя на Лапина, старательно разливал по третьей.

– А дальше?

– Плохо о тебе говорят, Костик. Будто ты от полного прокола по закону на беспредел вышел. Будто это твой Энерджайзер внаглую двух валял отправил к верхним людям.

Лалин поднял свой стакан, посмотрел его на свет.

– И этой параше верят?

– Не хохлома это, Костик, а серьезный спуск с самого верха.

– И ты веришь?

– Не имею я права в это верить. Тем более, что верить не

хочется. Давай-ка за права без обязанностей!

Чокнулись, выпили по третьей, на этот раз добротню пожевали в молчании. Лапин попил водички и заговорил:

– Кстати о правах, Витя. Сейчас ты имеешь неоспоримое право уйти от меня, потому как держать тебя мне нечем. С ширевом ты завязал намертво, дело, от которого я тебя тогда корыстно отмазал, за давностью времени быльем поросло, ты свободен как птица. А ты продолжаешь на меня работать. Почему?

– Я игрок, Костя. Как там пел Никулин в «Кавказской пленнице», – Витольд мастерски исполнил: – «И жизнь наша – вечная игра!» Мне мало сцены, мне нужна куражная, в опасностях игра по жизни. А ты даешь мне такую возможность – поплясать над пропастью на канате.

– Смотри, не доиграйся.

– Не пугай, мне бояться нечего, меня паханы любят.

– Они никого не любят, Витя.

Разливая по четвертой, Витольд спросил:

– А ты меня любишь?

– Я тебя, Витя, очень люблю. Как сына, которого у меня нет.

Витольд поднялся, перегнулся через стол и звонко поцеловал полковника в лоб.

– Благодарю за службу, – сел и смахнул как бы набежавшую слезу.

– Ожидая тебя, я здесь, на кухне, наблюдал, как по сте-

не таракан бежал. Сытый такой, энергичный, уверенный в своей собственной безопасности. А я мог его прихлопнуть в момент.

– И я тебе напомнил этого таракана, – обиженно догадался Витольд.

– Не таракана, а его беспечный бег над пропастью. Запомни раз и навсегда: паханы твои – нелюдь, безжалостно уничтожающая все человеческое.

– А ты хочешь уничтожить их...

– Пытаюсь, Витя, пытаюсь.

* * *

Ночь подходила к Москве, как ей и положено в мегаполисе, поздно. Еще потоком шли по Садовому автомобилю, но уже опустели тротуары, и запоздавшие москвичи и заполошенные гости столицы рысили к конструктивистской арке станции «Красные ворота». До закрытия метро оставалось пятнадцать минут.

Дима спустился на первый пролет лестницы к телефонам-автоматам и, зайдя в кабину, набрал номер.

– Оля, это Дмитрий, – сказал он и, не поздоровавшись, замолк.

– И что мне собирается сказать Дмитрий, помимо забытого «здравствуй»?

– Здравствуй. Я не знаю, что сказать.

– Здравствуй. А я тем более.

– Мне не с кем поговорить, Оля.

– То не с кем поговорить, то не знаешь, что сказать. Ты пьяный?

– И пьяный тоже.

– Тогда ложись спать.

– Мне теперь негде спать.

– Что-нибудь случилось, Дима?

– Случилось.

– Худо тебе?

– Не то слово.

– Руки в ноги – и ко мне! – приказала Оля.

– А твои на территории?

– Нету их, нету! Быстрей давай!

...Дима повертел на блюде чашку с недопитым крепким чаем. Потом поставил кулаки на так понравившийся ему стол и уронил на них голову. Вошла Оля, тронула его за плечо.

– Я в кабинете тебе постелила. Иди, ложись.

– А может быть, я уже сплю? Или еще сплю? – не отрывая лба от кулаков, глухо и безнадежно сказал Дима. – Господи, как хотелось бы проснуться, открыть глаза и – вот она, койка в общежитии. И не было ничего. – Он поднял голову. – Но все было. Почему именно со мной, Оля?

– Об этом спрашивать надо не меня, – ответила Оля, усаживаясь напротив и с жалостью глядя на смятое растерянно-

стью Димино лицо.

– Кроме как у тебя, мне не у кого спросить: что мне делать, Оля?

– Уже разговор. Что мне делать, это не то «что делать», – Ольга стала нарочито жесткой. – Это конкретный вопрос, а не мировая скорбь. И кончай сопли жевать на тему «жизнь есть сон». Итак, что тебе делать. По-моему, тебе надо делать ноги.

– Ментура меня всюду достанет.

– Достанут, конечно, но со временем. Но со временем и поостынут. А сейчас по горячке могут тебя в камеру хранения определить.

– Сейчас, завтра, через неделю – какая для них разница?

– Против тебя – ничего, кроме шатких косвенных.

– А мэнша в лифте?

– Она видела, как ты убивал?

– Она не могла видеть, потому что я не убивал.

– Об этом я и говорю. Твои родители где живут?

– У меня одна мама. Она у брата живет в Ярославле.

– Вот в Ярославль тебе и не надо ехать. Какое-нибудь место вне Москвы есть, где тебе голову можно преклонить?

– В родном Зажопинске кое-какие корефаны остались.

– Тогда завтра с утра и отправишься.

– Так ведь этот полкаш предупреждал...

– Они у тебя подписку о невыезде взяли? – перебила Оля.

– Он мне на слово поверил.

– Ты вольный российский гражданин, Дима, и по закону можешь уехать куда захочешь.

– Как я уеду? Мало ли что...

– Да уж не на поезде или автобусе. Ты прав: мало ли что, – она оценивающе осмотрела его. – На байке коптить можешь?

– Я все могу.

– Тогда все в порядке. Пора в люлян, Дима. Завтра трудный день.

...Он лежал на спине и смотрел на свет уличного фонаря, который мелкой-мелкой клеткой пробивался сквозь занавески. Тихие слезы текли из глаз по вискам. Не ощущая, что плачет, он плакал. От жалости к себе? От безнадеги? От света фонаря?

Она обнаружилась в кабинете внезапно, как привидение. Она и была похожа на привидение, в своей белой рубашке. Привидение бесшумно присело на край кожаного дивана и осторожно провело ладонью по его лбу, глазам.

– Ты плачешь? – спросила Оля.

– Просто глаза слезятся от света фонаря.

Он поймал ее руку и поцеловал ласковую ладонь.

– Пировали – веселились, подсчитали – прослезились, – ни к селу ни к городу вспомнила она.

– Все шутишь...

– Какие уж тут шутки. Вату катаю от нечего сказать.

– Скверно мне, Оля...

Она поцеловала его в мокрый глаз и решительно предло-

жила:

– Пойдем ко мне, несчастненький ты мой.

...Они занимались любовью отчаянно и безоглядно. Чтобы забыться. Чтобы ненадолго забыть.

* * *

Она потрепала его за плечо – разбудила. Он туповато лупал припухшими глазками, мало что понимая. Потом увидел ее, затянутую в халатик, тоненькую, – расплылся в улыбке.

– Иди, душ прими, – приказала Ольга и, взглядевшись, добавила: – И побрейся. Только папин бритвенный прибор не трогай, он страсть как этого не любит. – Она открыла прикроватную тумбочку, пошарила там и протянула ему одно-разовую бритву. – Держи.

– Ты ею подмышки бреешь? – спросил он и сел в кровати, прикрываясь одеялом.

– Не бойсь, она свеженькая. Давай, пошевеливайся.

...Бритый, в маечке, обтягивающей мощный торс, он посмотрел в зеркало и сам себе понравился.

– Можно к тебе? – крикнула за дверью Ольга.

– Антре! – красивым баритоном разрешил он.

Нет, про нее ничего нельзя угадать: в короткой кожаной куртке на молниях, в кожаных же узких штанах, в высоких шнурованных башмаках она смотрелась молоденьким рокером.

– Как мимолетное виденье... – делано изумился Дима.

Она не реагировала на пустяки, она распорядилась. Ответила ему на кухню, указала на нечто, закрытое салфеткой.

– Тут я тебе зажевать оставила. Если мало – бомби холодильник. Вернись часа через два-три. Можешь не беспокоиться: родители будут только завтра. На телефонные звонки и звонки в дверь не реагируй. Смотри телевизор и жди меня. Вроде все.

– Нет, не все, – залихватски возразил он и, уверенный в своей неотразимости, привлек ее к себе, крепко обнял. Она двумя руками уперлась ему в грудь, жестко оттолкнула и сказала просто, как нечто разумеющееся:

– Ничего не было и не будет, Дима. Я просто пожалела тебя сегодня ночью. Не хотела, чтобы ты плакал.

* * *

...Форсистый «пежо» подкатил к входу в Управление милиции ЦАО и остановился. Солидный бизнес-водитель, увидев приветливо улыбавшегося молодого человека на ступенях, спросил у своей миловидной спутницы:

– Это тебя встречают?

– Откуда я знаю? – нервным вопросом ответила она.

Молодой человек уже подходил к «пежо», не переставая улыбаться.

– Ничего не выдумывай, говори только то, что видела, –

быстрым полупшепотом приказал муж.

– Не учи меня, Саша, – холодно осадил его жена и, распахнув дверцу, во всей красе явилась перед молодым человеком, который заулыбался еще пуще.

– Здравствуйте, Юлия Кирилловна. Меня зовут Юрий. Это я вчера звонил вам.

– Очень приятно. Здравствуйте, Юрий, – завлекательно, грудным, совсем не таким, каким разговаривала с мужем, голосом приветствовала она симпатичного милиционера.

– ...Здравствуйте, Юлия Кирилловна, – полковник Лапин, выйдя из-за стола, учтиво шагнул ей навстречу. – Меня зовут Константин Георгиевич. Прошу вас, присаживайтесь, – он придвинул стул поближе к своему столу, а сам вернулся на рабочее место. – Юлия Кирилловна, откинем в сторону всяческий протокол в нашем разговоре. Протокол – бумажка, которую при необходимости потом составит наш Юра. Давайте просто поговорим о том, что произошло с вами в семнадцать часов тридцать две минуты тридцатого мая, так сказать, в последний день весны. И желательно в подробностях, с запомнившимися вам деталями.

– Какие подробности, какие детали?! – в недоумении воскликнула Юлия Кирилловна. – Это был миг. Но этот миг я запомню на всю жизнь.

– Н-да, – Лапин раздумчиво почесал нос. – Но и жизнь – только миг в этом мире бушующем, как поет Олег Даль. Тогда давайте по порядку, Юлия Кирилловна.

– Я вызвала лифт, нажала кнопку и спустилась на первый этаж. Дверцы разъехались, и предо мной предстал убийца.

– Вы говорите «убийца», – перебил Лапин. – Значит, вы видели, как он убивал?

– Как я могла увидеть, когда он уже расправился со своей жертвой?

– Вы видели его лицо?

– Конечно. Он был готов растерзать меня. Когда открылись двери лифта, он поднялся и двинулся ко мне. Но мои подсознательные импульсы сработали безотказно: я инстинктивно нажала кнопку.

– Юлия Кирилловна, я спрашиваю вас о конкретных вещах. Вы видели его лицо?

– Да. Это была маска смерти. Страшнее в своей жизни я ничего не видела.

– Юра, – ласково сказал Лапин, и хваткий Юра тотчас разложил на столе десяток фотографий. – Юлия Кирилловна, посмотрите на эти карточки повнимательней и скажите, есть ли среди них фотография человека, которого вы видели у лифта?

– Я видела его лишь мгновение... – неуверенно начала Юлия Кирилловна, но поднялась со стула, чтобы основательно изучить фотки. И вдруг визгливо, с надрывом, будто преследуя, закричала: – Вот он! Вот он!

И тыкала, тыкала в одну из фоток пальцем. Лапин взял эту фотку.

– Не думай о мгновеньях свысока... – завел он, а потом, с любовью разглядывая портрет Дмитрия Колосова, позволил себе не согласиться с дамой. – Какой же он страшный? Очень даже красивый парень.

* * *

Бедовый кожаный мальчик Ольга шла узким проходом меж бесконечных совковых гаражей. Шла, шла и дошла. У одного из боксов возился с мотоциклом лохматый и роскошно бородатый амбал. Чтобы оторвать его от увлекательного занятия, Ольге пришлось здороваться криком:

– Привет, Блюминг!

Блюминг, видимо, что-то расслышал, выключил пулеметно стреляющий мотор и выпрямился во весь свой гигантский рост.

– О, сестра по колесу! Зачем прилетела, птичка? По своей «хонде» соскучилась?

– Она в порядке?

– Как герла перед свадьбой. Зачем она тебе? Покрасоваться или мир посмотреть?

– В наем сдаю. У тебя, случаем, большого шлемака не найдется? И курточку какую-нибудь старенькую на лонгового паренька.

– Надыбаю.

– И вот еще что. Твой нотариус быстренько может дове-

ренность сделать?

– Как быстренько?

– В часок.

– Мать, ты обнаглела.

– Жизнь заставляет, Блюминг!

...«Хонда» вырвалась из гаражной улочки и помчалась к проспекту Мира. За рулем сидел миниатюрный кожаный мальчик, а на заднем сиденье горой возвышался Блюминг.

* * *

...Элегантно спортивный Бен с громадной сумкой на плече вышел из подъезда своего дома в ответвлении улицы Бориса Галушкина и сел за руль джипа. Привык с водилой и поэтому с непривычки долго ерзал за баранкой, устраиваясь половчее. Наконец тронулся.

Трамвайные рельсы теснили джип к обочине. Бен со страдальческим лицом с трудом преодолевал невидимые преграды. Мост над железнодорожными путями, и вот она, широкая дорога к сокольнической зелени. Не доезжая до церкви на Краснопролетарской, Бен свернул направо. И по пустынной дороге меж припарковых крон – к парку, чтобы свернуть на Стромынку. Вдруг на подъезде к Оленьим прудам щелкнуло что-то, и джип стал оседать набок. Бен панически тормознул. Джип остановился, сильно скособочившись. Бен осторожно выбрался из автомобиля и глянул на правое зад-

нее колесо. Так и есть, прокол. Бен в безнадее осмотрелся. И, как спасение, немолодая «шестерка» тормознула рядом с ним. Водила «шестерки» спросил сочувственно:

– Проколотся, мастер?

– Да вот, случилось... – беспомощно заблеял Бен. – Я обычно с шофером, а сам просто и не знаю, что делать...

– Колесо менять, вот что делать! – нравоучительно сказал водила. – У тебя запаска есть?

– Вроде бы должна быть...

– А домкрат?

– Не знаю.

– Ну, ты даешь, тракторист! – изумился водила и, вылезая из «шестерки», сказал сидевшим сзади: – Поможем задвинутому, а, пацаны?

Из «жигуля» объявились двое пацанов – приятные такие пареньки.

– Ну, показывай, что у тебя сзади, – распорядился водила.

Бен вытащил ключи зажигания, которые были в связке, на ходу от кабины до кормы джипа отыскал нужный, поднял заднюю дверцу.

– Есть колесо, есть! – обрадовался он. – И домкрат – вот он!

– Давай его сюда, – распорядился водила.

Бен наклонился, чтобы взять домкрат, лежавший на полу багажного отделения. Один из пареньков, подошедший вроде бы из любопытства, не торопясь поднял над головой об-

резок свинцовой трубки и нанес ею сильнейший удар по шее Бена у основания черепа. Бен осел на асфальт.

– Он готов, Комар, – сказал паренек, нанесший удар.

– Контрольный не помешает, – решил водитель «шестерки», он же Комар.

Еще один удар. Втроем, двое под руки, третий сзади, они усадили мертвого Бена в джип на водительское место. Захлопнули дверцу, опустили багажную крышку. До сих пор молчавший третий прорезался наконец:

– Колесо бы снять и чистое поставить.

– Ты что – топор? Уходим в точку в три ноги!

«Шестерка» развернулась и умчалась. Кособокий «мицубиси»-джип одиноко стоял на обочине. Мимо изредка проносились нелюбопытные автомобили.

* * *

Ведомая одиноким кожаным мальчиком изящная «хонда» остановилась у подъезда. Мальчик спрыгнул с седла, прислонил мотоцикл к стене, снял шлем. Уже не мальчик, а Оля набрала код, открыла тяжелую дверь и крикнула в полумрак консьержке:

– Тетя Таня, помогите, будьте добры! Подержите дверь, а я аппарат вкачу.

Сурово-приветливая тетя Таня держала дверь и ворчала:

– Опять за старое, Олька!

– Не-е, – весело отвечала Ольга. – Я всегда только за новое.

...Она положила на стол его паспорт, его права и доверенность.

– Ксива перед тобой на столе, конь внизу в стойле, шлем и панцирь в прихожей. Ты готов к вояжу. Отправляясь в дальний путь, аккредитив взять не забудь. Кстати, у тебя деньги есть?

– Мало, – признался Дима.

Она удалилась в свою комнату и вернулась с пачкой купюр. Протянула ему.

– Здесь пятнадцать тысяч. Для начала хватит. Отдашь со временем.

– Отдам, – твердо сказал Дима. – Мне пора ехать?

– Подожди часок. Сегодня пятница, и вот-вот начнется на трассах дачная толкучка. В толпе и заколесишь.

– Откуда у тебя деньги, «хонда»? – вдруг спросил он. – Родители отстегивают?

– Мои не отстегивают, но и не стегают. А деньги я зарабатываю.

– Чем?

– Никому не скажешь?

– Такой секрет?

– Еще какой. Если братья по колесу узнают, не быть мне ночной волчицей.

– Я не байкер.

– В самом популярном женском журнале я веду, а на самом деле почти целиком заполняю три рубрики: светская хроника, скандалы и криминал.

– Иди ты! – не сдержался он.

– Иду. За шахматной доской. Ты в шахматы играешь?

– Как Остап Бендер.

– Ну а я как тот одноглазый шахматист. Значит, выиграю.

И час уьем.

Они сосредоточенно сидели за шахматной доской...

* * *

Иван Александрович в окружении многочисленной свиты с удовольствием осматривал фасад здания в стиле «лужковский ампир».

– А что? – не без удовольствия задал себя вопрос Иван Александрович и сам же ответил: – Вроде ничего! – И, ни к кому не обращаясь, добавил в пространство: – Ну и как в нем живется?

– Живется нам здесь прекрасно, Ваня, – ответил упитанный вальяжный мужчина и укорил собеседника: – Не в тесноте, но в обиде: глава концерна за месяц, как мы открылись, ни разу не соизволил посетить свой филиал.

– Дела, все дела, Жозя, – повинулся Иван Александрович. – Но лучше поздно, чем никогда. Ведите гостя в дом.

– Почетного гостя, – уточнил Жозя, а вертевшийся рядом

мужичок добрался до сути:

– Хозяина.

Иван Александрович внимательно посмотрел на него и спросил:

– Кто таков?

– Комендант данного здания Федор Фатеев, – радостно отрапортовал мужичок.

– Из армейских интендантов? Насобачился генеральские задницы лизать? – заметил Иван Александрович и, не ожидая ответа, двинулся к входу.

Но прав был интендант Фатеев: именно он, Иван Александрович, был в этом доме хозяином.

В изобретательно и весело оформленном коридоре Иван Александрович недоуменно остановился перед замызганным канцелярским столом, не то слово загнанным в нишу.

– Это еще что такое? – грозно спросил он.

– Место для охраны, – дал пояснение Фатеев. – У нас на каждом этаже пост.

– Чтобы твоему кожаному затылку сподручнее кимарить? Секьюрити все свое дежурство должен на ногах проводить.

Иван Александрович пошел дальше, а двое из свиты уже тащили неуместный стол с глаз долой.

Гуртом тихо вошли в компьютерный зал, где перед экранами сидели сосредоточенные парни и девицы.

– Как они тебе? – шепотом спросил Иван Александрович у Жози.

– Золото, Ваня, чистое золото это младое племя.

Иван Александрович вышел на середину зала.

– Здравствуйте, мои друзья.

Два десятка молодых людей хотели только повернуть-ся, чтобы посмотреть, кто говорит. Повернулись. Но в старом человеке с тростью было нечто такое, что заставило их непроизвольно встать и, хоть вразнобой, но ответить на приветствие.

– Рад, что вы работаете у нас, – произнес Иван Александрович и вдруг, увидев диваны, стоявшие у единственной непрозрачной стены, тихо сказал Жозе: – Немедленно убрать.

– Почему, Ваня? – искренне удивился Жозя.

– Чтобы не трахались в рабочее время.

Тихий этот разговор услышал стоявший неподалеку задиристый паренек. На чистом глазу он жалобно спросил:

– Где же нам тогда трахаться?

– А комната отдыха с баром для чего? – отпарировал Иван Александрович.

Посетили и туалетную комнату. С удовольствием оглядел хозяин фарфор и кафель, нюхнул ароматизированного воздуха. Потом направился к кабинам. Зашел в одну из них и позвал оттуда Фадеева:

– Слушаю, Иван Александрович.

– Зайди-ка в соседнюю.

Фатеев сиюминутно исполнил приказ.

– На стульчак садись. – Фатеев сел. Иван Александрович глянул на него – перегородка меж кабинами была ему по грудь – и спросил грозно: – Ты думаешь, что мне доставляет удовольствие, натягивая портки, смотреть, как ты тужишься? – И добавил: – Перегородки между кабинами – до потолка.

Двинулись дальше. Шедший рядом Жозя заметил с легкой иронией:

– Все увидел, все приметил, все исправил.

– А с вами по-другому нельзя! – отшутился Иван Александрович.

Шли довольно резво, подстраиваясь под широкий шаг хозяина. У лифта всю команду раскоряченной из-за толстых ляжек рысью догнал охранник в униформе, подобрался к Фатееву и зашептал на ухо. Фатеев понимающе кивнул и, сделав озабоченное лицо, обратился к боссу:

– Извините за беспокойство, Иван Александрович, но вас спрашивают по срочному делу.

Босс, осматривавший сверкающую кабину лифта, не обращившись спросил:

– Кто?

– Какая-то дама. Назвалась Ириной Игнатьевной. И с ней еще двое.

– Пусть подождут пятнадцать минут, а потом доставишь их в мой кабинет. – И Жозе: – У меня есть здесь кабинет?

– А ты что думал? Все как в больших домах – на послед-

нем этаже, – доложил Жозя.

В лифте поднимались вдвоем.

– Продолжаешь воспитывать молодую жену? – небрежно поинтересовался Жозя.

– Ирина Игнатьевна, видите ли! Показная скромность, Жозя, хуже непосредственного, идущего от жизненного до-вольства тщеславия.

И впрямь, как в больших домах: все по последнему слову оргтехники – удобно, целесообразно, все самого лучшего качества, и ничего лишнего. Иван Александрович удовлетворенно хмыкнул и, подойдя к почти незаметной двери в стене, открыл ее. В маленьком, метров десяти, закутке стояли скромная кушетка, два старомодных венских стула, невстроенный холодильник и в углу столик, на котором красовались самовар и два красных в белый горох фарфоровых чайника: один здоровенный, а другой маленький, для заварки.

– А ты подхалим! – радуясь увиденному, объявил Иван Александрович.

– Просто я знаю тебя и твои вкусы.

– Что ж, спасибо. Удружил.

Иван Александрович вернулся в собственный кабинет и уселся за стол.

– А теперь малость о делах, Жозя. Что у тебя там в Заволжье?

– Храмцов, которого мы у немцев переманили, – сушая находка.

– Ты переманил, – поправил Иван Александрович.

– Производство у него работает как часы. Стопроцентная экономия кормов позволяет бесперебойно снабжать мясом три наши перерабатывающие фабрики. Правда, его стала слегка поджимать местная братва. Храмцов откупается от них по мелочам, но это в порядке вещей...

– Это не в порядке вещей, – тяжело сказал Иван Александрович. – Ну да ладно. Я тут маленький кораблик приобрел и в самое ближайшее время хочу его проверить от Москвы до Астрахани и обратно. По пути и Храмцова навещу.

– Маленький кораблик – это яхта, построенная по индивидуальному проекту в Швеции?

– Все-то ты знаешь.

Вдруг ящичек на столе заговорил приятным женским голосом:

– Извините, Иван Александрович, но в приемной вас ждут.

– Это еще что за голос из подземелья?

– Твоя здешняя секретарша.

– Ты ненужно роскошествуешь, Жозя, – пожурил Иван Александрович и отдал распоряжение ящичку: – Пусть войдут.

Ирина Игнатьевна поцеловала Жозю в щечку, а Захар Захарович и Геральд Иович пожали руки Жозе и Ивану Александровичу. Ирина устроилась в гостевом чудо-кресле и возвестила странным голосом:

– Иван, у нас большие неприятности.

– Слушаю вас внимательно, Ирина Игнатьевна.

– Не кривляйся, пожалуйста. Дмитрий Колосов попал в очередную беду.

– Дмитрий Колосов – это твой паренек, Захар, будущий Буридан? Так это у него неприятности, а не у нас.

– Не прошло и недели с того трагического случая, и вот снова... – начала Ирина Игнатьевна, но Иван Александрович заинтересованно перебил:

– Он что, опять убил?

– О боже! – воскликнула Ирина Игнатьевна. – С тобой невозможно говорить!

В разговор вступил разумный, как все адвокаты, Геральд Иович Максимец:

– Позволь мне, Ваня, изложить все по порядку.

– Позволяю.

– Сегодня я был у следователя, ведущего дело Колосова, и он, с подачи милицейских дознавателей, всерьез рассматривает версию о возможном участии моего подзащитного еще в одном убийстве. Как и в первом случае, косвенные улики малоубедительны – одна нервная дамочка утверждает, что видела Дмитрия рядом с трупом. Но-но-но... Иван Александрович закрыл левый глаз, а правый прямо-таки сверлил адвоката.

– Замолчал, чтобы после твоих но-но-но последовали мои нетерпеливые ну-ну-ну? Не последуют.

– Ты действительно невозможен, Ваня, – устало сказал адвокат. – В общем, на данном этапе необходимо твое корректное вмешательство. По первому делу я сумею в самое ближайшее время доказать, что Колосов должен проходить как свидетель и только как свидетель. По второму же их козырь – эта дамочка. Одна. Больше у них козырей нет и не будет. Эта дамочка – жена Бородина, известного, хорошо известного тебе бизнесмена.

– Хотите, чтобы я на него нажал? Нажму, если надо будет. Все?

– Нет, не все! – вдруг заорал темпераментный режиссер. – Он сутки как пропал!

– Бородин? – изумился Иван Александрович.

– Какой Бородин! – продолжал кричать Захар Захарович. – Этот негодяй, Димка! К чертям собачьим премьерные спектакли, в задницу экзаменационные показы, прощай-прости театр-студия! – Оторавшись, он страдальчески спросил: – Иван, у тебя от сердца что-нибудь найдется?

Жозя достал из кармана стеклянный цилиндр и протянул его Захару.

– Валидол.

Режиссер положил таблетку под язык и потому замолчал окончательно. Иван Александрович после деликатной паузы спросил:

– Так что же вы от меня хотите?

– Надо предпринимать экстренные меры, Иван, – вновь

вступила в беседу Ирина Игнатьевна. – Дмитрия необходимо отыскать как можно скорее. Мало ли что может случиться с мальчиком. И тогда прощай наша с тобой мечта о молодежном театре.

– Допустим, это не моя мечта, а мечта Захара и твоя. Я – номинальный спонсор, вроде герцога Саксон-Мейнингенского, Захар – как режиссер мейнингенцев Кронек, ну а ты, Ирина – Элен Франц. Насколько я помню, последние двое управляли там всеми театральными делами.

– Образованный – жуть! – громко прошепелявил, продолжая сосать валидол, Захар.

– Следовательно, ты даешь согласие на мои активные и автономные действия, направленные на поиск Колосова? – спросила Ирина Игнатьевна.

– Да делай что хочешь! – Иван Александрович поднялся из-за стола. – Как я понимаю, все проблемы решены. Не смею вас задерживать. А у нас с Иосифом Михайловичем, уж извините, дела.

Высокомерная Ирина Игнатьевна, довольный Герольд Иович и страдающий Захар Захарович покинули кабинет. Жозя поинтересовался:

– Какие дела, Ваня?

– Одно дело: дожидаться, пока они уедут. А потом и мы тронемся. – Вдруг вспомнил: – Да, секретарша эта моя – по найму или выдвиженка из своих?

– Из отдела связи. Машинистка на факсе.

– Пусть туда и возвращается. Если есть разница в зарплате – возмести. Нам лишние траты не нужны.

* * *

Полковник Лапин смотрел, как в труповозку запихивали носилки с телом бедного Вени. Подошел врач, спросил:

– Что тебя интересует, Костя?

– Все, – лаконично ответил Лапин.

– Все только после вскрытия. А сейчас могу сказать, что, скорее всего, перебиты шейные позвонки и смерть наступила часов шесть-семь назад.

– Джип со спущенным колесом стоял почти на дороге шесть часов, и никто из водителей, хотя бы из солидарности, не соизволил остановиться, – самому себе сказал Лапин. Стоявший рядом опер из местных счел нужным уточнить:

– Патрульная машина обнаружила труп час пятнадцать назад. У убитого найдены документы на имя Золотухина Вениамина Исидоровича.

– Коим он и был на самом деле, – добавил Лапин и, глядя вслед удалявшейся труповозке, спросил незнамо у кого: – За что мне все это?

* * *

После Покрова на трассе Москва – Нижний Новгород стало посвободнее, и Дима дал «хонде» полный газ. Радость движения, радость от встречного ветра, от слияния с живым металлическим конем, безмерная радость бытия. Не езда – полет...

* * *

В аппаратной, оборудованной всевозможными ноу-хау, сидел молодой человек и не отрываясь следил за медленно-медленно перемещавшейся по подробнейшей карте Центральной России, воспроизведенной на огромном экране, маленькой красной точкой.

Голос из невидимого репродуктора спросил:

– Где он сейчас?

– Миновал Юрьево. Жду развилки перед Владимиром. Фиксация пока превосходная.

– Следить до окончательной остановки, – распорядился голос. – Точку прибытия определить со всевозможной точностью. Данные о месте пребывания объекта после пятичасовой паузы спустить по каналу Пекаря.

Глава III

Опять метаморфоза. Не хиппующая герлуха, не экстравагантная театральная метелка, не кожаный мальчик-байкер – скромная девица в изящном платье выскочила из подъезда в солнечное утро. Играя светлой спортивной сумкой, она, увидев неприметный «фольксваген», уже шагом чинно направилась к нему.

За рулем «фольксвагена» сидел симпатичный мэн лет сорока с хвостом, по виду и прикиду преуспевающий клерк. Ольга подошла к автомобилю со стороны водителя и, поцеловав клерка в охотно подставленную щеку, вместо приветствия поздравила:

– С настоящим летом, Вася, – и, обойдя радиатор, устроилась на сиденье рядом с ним.

– Так куда? – спросил он.

– Как куда? Под солнце.

– А сейчас мы где?

– Сейчас мы под потолком. Поехали.

– Сначала решим куда.

– Куда глаза глядят.

– А куда глядят твои глаза?

– Туда, где чистое солнце, вода и песок.

– Что ж, в конторе у меня сегодня тихо до позднего вечера. Махнем за город?

– А у меня в два важное сборище зеленых.

– Без тебя никак не обойдутся?

– Никак.

– Тогда в Сербор.

«Фольксваген» развернулся и ревко побежал по Тверской, Беговой, Хорошевке.

Народу на пляже еще немного – не сезон пока. Так, редкие кучки наиболее продвинутых пляжников. Но отрывались они по полной программе: с гортанными криками играли в волейбол, с визгами на предельных децибелах носились по пляжу, а выпивали, конечно, тихо, без лишнего шума.

Клерк Вася, скинувший тысячедолларовый костюмчик, рубашку с галстуком и все прочее, что мешало загорать, обнаружил атлетическую статью. Он с закрытыми глазами лежал на спине, а Ольга, пристроив затылок на его мускулистом животе, сквозь темные очки смотрела, сощурясь, на сверкающую Москву-реку.

– Сейчас засну, – вяло проговорил Вася.

– «Не спи, не спи, художник, не предавайся сну», – на автомате процитировала Ольга.

– Я не художник, – сонно возразил Вася.

– Следовательно, можешь спокойно спать. Но Пастернак под художником понимает творческую личность вообще. А ты ведь у меня творческая личность?

– В какой-то степени, – согласился он.

– Так какого худенького ты бесстыдно дрыхнешь!?! – вдруг

заорала она так, что Вася вздрогнул и вмиг растопырил глазки. А Ольга уже почти нежно продолжала: – Вася, скажи мне что-нибудь хорошее.

– Я без тебя жить не могу, – признался он, подумал и добавил: – А уж с тобой – тем более.

Она стремительно развернулась и острым кулачком умело ударила его в солнечное сплетение. И почти одновременно мяч, случайно выскочивший из кружка игравших, попал ему в голову. Он сел, обхватил руками колени и обиженно бросил:

– Все. Достали! – и рывком поднялся на ноги. – Иду купаться.

Он загораживал солнце. Оглядев Васин силуэт, Ольга восхитилась:

– Фидиев дискобол! Микеланджелов Давид! – Она замолкла, еще поизучала Васю и решила окончательно: – Но пожиже Димки Колосова будешь.

Уже шедший к воде Вася остановился, обернулся и возвратился к Оле.

– Выходит, пожалела паренька? – зло сказал он.

– В каком смысле? – раздраженно переспросила Ольга.

– А как русские бабы мужиков жалеют. Вот в каком.

Не обиделась, не рассердилась, не стала искать язвительного ответа. Лишь глянула на него и задумчиво, тихо спросила:

– Зачем он вам нужен, Вася?

Что ей ответишь? Что Дмитрий Колосов – всего-навсего подсадная утка, механический заяц, запущенный, чтобы за ним стаей понеслись безжалостные, мстительные, безумные псы, которых уже нельзя больше терпеть среди людей? Василий, не глядя на нее, ответил маловразумительно и не по делу:

– Не он нам нужен.

– А кто?

Незачем ей об этом знать. Решил успокоить девчонку и сменил пластинку:

– Твой Димон еще вчера вечером на твоем байке к Волге прикатил. А сегодня наверняка уже в ней плавает.

– Наверное, – вяло согласилась Ольга.

– Все-таки окунись! – спешно закончил разговор Василий.

Он ушел, не оборачиваясь. Купались одиночки-смельчаки. Вася мощным баттерфляем плыл к фарватеру. Ольга, обняв руками колени, следила за сверкающей гигантской бабочкой.

Он вернулся, принесся прохладу, и животом, грудью, лицом упал на теплый песок.

– Остыл?

– Застыл, – поправил он. – Вода градусов шестнадцать, не больше.

– А в Волге, наверное, еще холоднее.

Единственная движущаяся точка на волжской шире. Дима неторопливо, размеренным мощным кролем плыл к берегу, на котором высилось здание пансионата. На маленькой песчаной площадке его встретил приятель, кинул полотенце и с уважением сказал:

– Считай, что ты один такой храбрый на всю Волгу.

Приятель был небольшой, подвижный и непредсказуемый в движениях – живчик. Рядом с Димой он казался резвым ребенком.

– Не скажи. В низовье небось уже купаются вовсю.

– Замерз?

– Да вроде нет. В ВДВ приучили. Пойдем пивка попьем.

– Тебе после такого заплыва белинского положено.

– Мою водяру родной батяня всю выпил, – грустно сказал Дима.

– А вчера ты градус не мерил...

– Так то с приездом, Вова.

Посмеялись. Дима быстренько оделся. Пошли не торопясь. Неподалеку от причала рейсовых и круизных теплоходов, на площадке у самого берега, «Балтика» и «Толстяк» организовали свои точки под громадными яркими зонтами. Дима и Вова были пока единственными посетителями завлекательного места, но поблизости от пристани уже раски-

дывали свои товары торговцы, подтягивались страждущие и жаждающие аборигены мужского пола в размышлении, с кого бы слупить на поднос. Все ждали праздничный и богатый теплоход с щедрыми пассажирами. Один из аборигенов не мог больше ждать – так колотило. Он подошел к столику, за которым хлебали пивко Дима и Вова, и радостно сообщил:

– А я тебя сразу узнал, Димка.

– Да и я тебя узнал, Семеныч.

– С приездом, как говорится... – не договаривая главного, намекнул Семеныч.

– Сколько же мой приезд стоит?

– Хотя бы на малыша, Дима.

Дима протянул ему пятьдесят рублей, и Семеныч без слов благодарности – некогда – быстро удалился.

– Здесь все по-прежнему, – понял Дима.

– А ты что хотел? Так было, так есть, так будет, – сказал Вова. – С тех пор как большевики местную бедноту в двадцатом году облагодетельствовали.

– Не врубаюсь, Вова.

– Я этот вопрос специально изучал. Когда купцов из их домов на прибрежной линии выкинули, решили комиссары в эти хоромы самых бедных со своего города поселить. А кто самые бедные? Челкаши дебаркадерные, голота из бывших приволжских фабричных, посадские, что свои хаты пропили. Вот и собрался на набережной цвет классово родных. Делать, как ты знаешь, в нижнем городе нечего, зато можно ры-

бу ловить и нагло клянчить у проплывающих на пароходах. Что получали от этих дел, то и пропивали. И так из поколения в поколение. Посмотри на наших одноклассников, если не противно. Они сейчас сюда все подтянутся.

– Мы с тобой, да Анька Привалова стараемся жить по-человечески, не поддались. Почему?

– Тебя твоя умная мать вовремя увезла, а у меня папашка железный. Об Аньке что говорить, ты ее знаешь с титешных лет. Она сама железная, железнее Феликса.

– Уезжать отсюда не собираешься?

– Не знаю. Закончу вечерний машиностроительный и тогда решать буду. А пока и подумать некогда: я же на двух работах в пансионате, как механик и как водила на легковой. Да еще на своих колесах в отгульные дни подрабатываю: отдыхающих прямо в Москву доставляю.

– Не скучаешь. Еще пивка?

– Подожди, – вдруг понизив голос, сказал Вова, внимательным взглядом изучая, что происходит за Диминой спиной.

– Что ты там увидел? – серьезно спросил Дима.

– Двое чужих пареньков что-то часто мелькают неподалеку.

– Не отдыхающие?

– Сейчас не сезон, я всех отдыхающих в лицо знаю. Да и не похожи эти стриженные на отдыхающих. По-моему, тебя ведут, Дима. Есть за что?

– Менты? – не ответив, поинтересовался Дима.

– Не та группа крови. Скорее блатари. Что они от тебя хотят?

– Думаешь, я знаю? А может, тебе показалось? У страха глаза велики.

– Страху-то во мне не от чего взяться. Не обольщайся, тебя пасут.

– Все равно проверить надо.

– Тогда пошли. И посматривай: один в желтой кожаной куртке, второй в блейзере, капитан хренов.

– Посматривать будешь ты. Не надо давать им понять, что я чего-то опасаюсь. А пока еще по кружечке – подождать надо минут пятнадцать.

– Чего ждать-то? – выразил неудовольствие нетерпеливый Вова.

– Сверху что там ползет?

Вова посмотрел на Волгу. Белый теплоход еще казался игрушечным.

– Круизный «Гагарин». Минут через десять швартоваться будет.

– Когда туристы на берег стадом выкатятся, мы с тобой в толпу, а ты посмотришь, что будут делать куртка и блейзер.

Мощный и щеголеватый трехпалубный «Гагарин» наконец пришвартовался, матросы с грохотом уложили мостик, и ярко одетые нарядные пассажиры хлынули на берег. Вова и Дмитрий смешались с толпой, а потом, оставляя предпо-

лагаемых преследователей справа, резко повернули налево.

– Ведут, Димка, теперь твердо знаю – ведут, – азартно сообщил Вова. – Сейчас куда?

– Вверх по каменке.

Каменками здесь назывались крутые булыжные, еще царских времен дороги, ведущие вверх на Соборную гору, на Шариху. Дима притормозил на уходящей в сторону улице и спросил:

– Как ты думаешь, Анька дома?

– А где ей быть? Она в родительском доме порядок наводит. Каждый свой отпуск на это убивает. А приезжает на следующий год – опять несусветный бардак. А зачем она тебе?

– Больно хорошо их домик расположен, – непонятно ответил Дима.

Во дворе небольшого ухоженного домика полыхал костер, который непрерывно подкармливала рослая статная блондинка в маечке и шортах. В огонь летели полусгнивший штакетник, сломанные фанерные ящики, куски облезлого толя, дырявые валенки.

– Слава труду! – приветствовал деву Вова. Дима молча стоял, облокотясь о забор. Дева разогнулась и ответила как положено:

– Гость говно, не бывал давно! Поправляетесь после вчерашнего? Уж так и быть, поднесу. Но без меня, у меня дел по горло.

– И у нас дела, – солидаризировался Дима. – Родители

где?

– «Гагарина» встречать пошли.

– Тогда зови в дом.

Уселись за стол, и Аня уже серьезно спросила:

– Случилось что-нибудь?

– Аня, тропка вверх за вашим домом еще существует? – не отвечая на ее вопрос, Дима задал свой.

– А как же! – с гордостью сказала Аня. – Я ее каждодневно протаптываю. Начало моего кроссового маршрута.

– К ней так, чтобы с улицы незаметно было, выбраться можно?

– Через террасу и сразу за сараем – калитка, я ее для своего удобства сделала.

Дима глянул в окно, посмотрел на неистово дымящий костер и задернул занавески на всех трех окнах:

– Я отлучусь ненадолго. Ждите меня здесь.

– Что случилось, ребята? – на этот раз уже обеспокоенно спросила Аня.

– Вовка тебе все объяснит.

– А что мне объяснять, если я ничего не знаю?

Выскочив через терраску за сарай, Дима, спрятавшись в тень его серой стены, внимательно осмотрелся. Он был невидим со стороны улицы. Свинцово-черный дым Анькиного костра весьма удачно стелился по склону Соборной горы, почти полностью закрывая малозаметную тропку. В путь. Чуть наискось – по прямой восьмидесятиградусный обрыв вооб-

ще не преодолеть – по тропке взлетел наверх. Всего-то метров сорок-пятьдесят, но запыхался. Пригнувшись, прячась за низкими кустами, Дима добрался до края обрыва и улегся на траву.

Немыслимой красоты картина открылась перед ним. С трех сторон – сияющая всеохватывающая живая Волга, вдали, за волжской водой – темно-зеленый ельник и зеленые поля, чуть сзади и справа – устье Шохонки, мостик через нее, рядом – непобедимая армада сотен разноцветных моторок и соборы, русские соборы. Собор на Левитановской горе, собор на Шарихе, собор здесь, за спиной.

А что внизу? А внизу – мерзость. Один мерзавец, в куртке, перекрывал улицу, а второй, в блейзере, с малого взгорья в бинокль рассматривал окна Анькиного дома.

* * *

Опять вода. На берегу Московского водохранилища в беседке, обвитой лозами дикого винограда, Ирина Игнатьевна принимала дорогого гостя. Дорогой гость, мужик лет между тридцатью и сорока в безукоризненном пиджаке, сидел за столиком, уставленным разнообразными драгоценными напитками, пил минеральную воду из стакана и рассеянно слушал хозяйку, неотрывно глядя на закатную дорожку, от низкого солнца спустившуюся на воду.

– Впрочем, мне кажется, – завершала монолог Ирина Иг-

натъевна, – да что там кажется, я почти уверена, что ему ничто и никто не угрожает, но само отсутствие Димы ставит под сомнение реализацию наших таких интересных начинаний. – Завершив самозабвенное токование, она глянула на стакан в руке гостя. – Так и ничего не выпили. Не считаете возможным быть настоящим моим гостем?

– Воду-то пью, – не очень вежливо ответил гость.

– Ну а коньяку, виски?

– В завязке.

– А вы... – начала было Ирина Игнатьевна, но он ее перебил:

– Не ужасайтесь. Я не запойный. Просто слегка подрастерьял за последнее время физическую форму, поэтому приходится отказываться от некоторых радостей жизни.

– Я и не собиралась ужасаться. Вы не поняли меня, Георгий... Можно, я буду называть вас так, без отчества?

– На паритетных началах. А я вас – Ириной.

– Идет! – кокетливо согласилась Ирина Игнатьевна. – Ира, Ирочка, Прусик. Молодость возвращается.

– И сразу кокетничать, Ирина. Вы достаточно молоды...

– Всего лишь достаточно?

– Вы предельно молоды. Согласны? Закрываем дискуссию и сразу о деле. Вы прелестно и в подробностях живо описали ситуацию, но мне не совсем ясна суть задания, которое вы намерены мне предложить. Короче – что я должен сделать по вашему поручению?

– Неужели вы, опытный детектив, не поняли, что я хочу?

– Не понял. Объясните мне, тупому. По пунктам. Первое, второе, третье...

Слегка обиженная Ирина перешла на сугубо деловой тон.

– Первое: разыскать как можно скорее Дмитрия Колосова. Второе: по возможности отыскать контраргументы против косвенных улик, на которые опирается следствие. И последнее. Определить, кто и зачем садистски преследует этого молодого человека.

– Вот это по-нашему, по-советски, – похвалил Георгий. – А теперь, помолясь, обсудим некий щепетильный вопрос. Мое приглашение согласовано с вашим мужем или это милая самодеятельность?

– Я получила от мужа полный карт-бланш.

– Не сомневаюсь. Но он в курсе, чем я должен заняться? Ведь ему придется оплачивать мои немалые расходы.

– Я достаточно обеспечена, чтобы оплачивать их сама.

– Чтобы меня нанять, скопили из карманных расходов?

– Не находите, Георгий, что вы вольно или невольно мне нахамили?

– Не нахожу. В наших возможных отношениях должна быть полная ясность. Как говорится в одном старом фильме: «Малютка горой стоит за ясность».

– Вы глубоко заблуждаетесь, думая, что я существую исключительно на подачки мужа. В финансовом отношении я никоим образом не завишу от мужа-миллионера. Я, ес-

ли можно так выразиться, самостоятельная экономическая единица. Мне, лично мне, принадлежит довольно крупное предприятие по производству металлической и пластиковой тары, приносящее неплохой доход. И в моих возможностях оплатить и создание нового, по-настоящему нового театра, и уж, во всяком случае, все траты по нашему с вами делу.

– Вы что, обиделись?

– Поначалу. А потом поняла, что вы меня на вшивость проверяете.

– А вы неглупая девушка, Ирина.

– Слава богу, догадались. При первом знакомстве я умным людям кажусь сытой и высокопарной идиоткой. Сначала огорчалась сему факту, потом привыкла, а в конце концов стала извлекать из этого кое-какие выгоды. – И сразу, без переходов, в лоб: – Вы согласны работать на меня, Георгий?

– Думаю, – ответил он.

– Александр Иванович считает, что вы согласитесь.

– Кстати, откуда вы знаете моего начальника-исповедника?

– Они с давних пор если не друзья, то приятели с Иваном Александровичем.

– Все родственники! Иван Александрович, Александр Иванович, – раздраженно сказал Георгий и добавил: – Дельце-то пованивает.

– Чем?

– Воняет только одно, все остальное пахнет.

– Но ведь, Георгий, навозную кучу разгребая...

– Петух-то найдет жемчужное зерно, если оно действительно в этой куче...

– Ура! Вы согласны! – перебила Ирина и, не давая ему опомниться, воскликнула: – К чертям завязку, к чертям физическую форму! Мы сейчас же выпьем за наш союз!

Она разлила коньяк из хрустального графина. Георгий не возражал, он любовался цветом дорогого напитка в последних лучах заходящего солнца. Грели в ладонях пузатые рюмки. Потом он посмотрел на нее сквозь золотистую влагу и спросил:

– Вам что, этот паренек Дима шибко нравится?

– Ничего-то вы не поняли, Георгий, – огорчилась она. – Просто хочу сделать реальностью мечту своей юности. Я ведь не скажу когда, но закончила Шуку. И пока еще не климактеричка, чтобы на мальчиков кидаться. Мне по душе много повидавшие в этой жизни мужики. Вроде вас, Георгий. За наш союз, Георгий! – повторила она.

– Шутки у вас, боцман, – пробормотал он.

– Ша! – непонятно произнесла она.

– Что «ша»? – тупо спросил он.

– Не боцман, а боцманша. Я баба, Георгий.

Они чокнулись и выпили.

Вечерело. Чтобы не мешать молодежи, родители Анны молча сидели на скамейке у крыльца.

А молодые в доме играли в подкидного дурака. Оставшись в очередной раз дураком, Вова бросил карты на стол и спросил, как всегда, нетерпеливо:

– Ну, надумал что-нибудь?

– Надумал. Твоя моторка на ходу? – спросил Дима, тасуя колоду.

– Спрашиваешь! Мы же с тобой сегодня в ночь на рыбалку собирались.

– Она «хонду» поднимет?

– Она, если поднатужится, и мой «фольксваген» поднять сможет.

– Стоит в Шохонке?

– А где же ей быть?

Аня мягко отобрала колоду карт у Димы. Теперь она тасовала, слушая разговор друзей.

– Далековато. «хонду» туда незаметно не подгонишь, – Дима был разочарован. – Тогда так: выходи на моторке к спасательной станции, а потом задами из гаража спихнешь «хонду» к воде, погрузишься и – на ту сторону. Пристроить аппарат там, чтобы не сперли, на карьере сможешь?

– У Севки Пяткова, – решил Вова. – Помнишь его?

– Еще как. Только шлем и куртку не забудь.

– Сначала «хонду», а потом тебя. Так? – догадался Вова.

– Они ведут меня вплотную и засекут при любом раскладе. Ночью я попытаюсь от них оторваться и – вплавь на ту сторону.

Молчавшая до сих пор Аня спросила:

– Ребята, неужто все так серьезно?

– Серьезней не бывает, Аня, – Дима отобрал у нее колоду. – Меня хотят или повязать для какой-то их надобности, или обесточить навсегда.

– Кто они, Дима? – спросила Аня.

– Обо всем, что со мной случилось, я вам рассказал. Как и вы, я не знаю, кто они, – стараясь быть спокойным, ответил Дима. И все-таки не сдержался, заорал: – Не знаю я!

– Не ори, – попросила Аня. Дима, опустив голову, опять занялся картишками. – Моторку к спасательной подгоню я. И «хонду» на ту сторону переправлю тоже я.

– Так я тебе мотор и доверил! – возмутился Вова.

– Доверишь. Тебя тоже будут вести, почти так же как Диму. И в момент просекут и тебя с «хондой» в обнимку на моторке и весь твой план, Димочка. А кто я для них? Случайная бабенка, к которой вы забрели от нечего делать. Давай ключи.

– Наверное, ты права, – согласился Дима. – Но сможешь?

– Я все могу, – отрезала Аня.

– Моя присказка. Да, у тебя пластиковый пакет без дырок

и скотч найдутся?

– Для твоего прикида? – догадалась Аня. – Понятное дело, не в одежонке же плыть! Кое-что получше найдется: резиновый непромокаемый рюкзачок. Я же байдарочница.

– Когда начинаем? – спросил Вова.

– Сейчас, – решила Аня. – Сейчас ты пойдешь в гараж и предупредишь сторожа. Скажешь, что я буду через двадцать минут. Все будет выглядеть так, что ты ненадолго смотался по делу и сразу же к приятелю на набережную пиво пить.

– А мне, значит, идти на набережную, – понял Дима. – Одна с «хондой» справишься?

– Уж как-нибудь, – ответила Аня. И Вова: – Давай, давай, действуй!

– Служу Отчизне, товарищ командир! – Положив ключи на стол, Вова взял под воображаемый козырек и удалился.

Немного помолчали. Первой прервала молчание Аня.

– Перемахнешь на ту сторону, в седло – и куда?

– В Ярославль, наверное.

– К маме?

– Нет уж! Если я здесь от них уйду, то они в первую очередь маму обложат в надежде, что я к ней кинусь.

– Так все-таки куда?

– Ярославль – город большой, затеряюсь где-нибудь на несколько дней, осмотрюсь, подумаю и решу, что делать.

– Ох, и вляпался ты, Димочка! – Аня по-матерински погладила его по голове и мягко приказала. – Иди на набереж-

ную пиво пить.

...Солнце ложилось на пики далеких-далеких елей, гостеприимно расстелив по воде оранжевую дорожку. И они смотрели на эту дорожку, потому что ее вот-вот должна была пересечь Аня на моторной лодке. Отхлебнув пивка, Вовка слегка обеспокоился:

– Что-то долго возится.

– Все торопишься, Вова. Аня знает, что делает.

– А я что говорю? – сам себя опроверг Вова. – Анька у нас голова. Менеджер!

– Вон она, – обрадовался зоркий Дима.

И тут же до них отчетливо донесся звук хорошего мотора. Вдалеке, сделав шикарный разворот, моторка наискось двинулась к тому берегу. На корме за рулем сидела Аня. «Хонды» не было видно.

– Ну, все сечет! – восхитился Вова. – Твою мотайку брезентом накрыла!

Лодка, выйдя на фарватер, шла как раз мимо них. Анины волосы струились в потоке встречного ветерка. Волжская амазонка.

– Хороша! – сказал Дима.

– Вот и женись на ней! – осенило Вову.

– Не до женитьбы мне сейчас, Вова.

Они сидели в темной комнате Вовы, в стандартной пятиэтажке, которая стояла на взгорье над актерским пансионатом. Молчали, смотрели в окно на свинцовую во тьме Волгу. Дима глянул на светящийся циферблат своих наручных.

– Пора. Через час светать начнет. – И направился в прихожую, где его догнал Вова.

– А ты куда? – удивился Дима.

– Если их двое, я одного уведу. Будто бы в гараж пойду. Другому ничего не останется, как только подъезд караулить.

– Дело, – согласился Дима, и они вышли на лестничную площадку. Вова, громко стуча каблуками, преодолел один пролет, вдруг остановился и прошипел:

– Ни пуха ни пера.

– К черту! – так же шепотом ответил Дима. Оставшись один, он дождался стука входной двери и стал подниматься на последний этаж. Добрался до чердачной двери и, стараясь не шуметь, сорвал хилый замочек. Мягко ступая, направился к противоположному концу чердака. Вот он, выход на крышу. Не откинул – приподнял и медленно опустил на асфальтовое покрытие крышку люка и, подтянувшись, оказался на воле. Для начала ползком добрался до края, чтобы посмотреть, что там внизу. Вроде никого. Но вдруг замерцала красная точка в кустах: кто-то осторожно затянулся сигаре-

той.

– Талумбас отстойный, – бодря себя, обозвал он курильщика и опять ползком добрался до противоположного края крыши, к той стороне дома, что выходила на заросший густыми кустами крутой холм. Еще рывок – и он у пожарной лестницы. Спускался наоборот, спиной к стене дома, чтобы не прочитывался его силуэт на фоне не темнеющего до конца июньского неба. Лестница не доставала до земли метра два. Присев на перекладину, он разулся. Держа башмаки в левой руке, повис над землей на правой, стараясь разглядеть, что под ним. Ни хрена не было видно, и он прыгнул наугад. Слава богу, опустился бесшумно. Посидел, прислушиваясь, на замусоренной бумажками и пивными пробками земле, обулся и, осторожно цепляясь за гибкие ветви кустов, стал медленно взбираться на холм. Холм этот был как бы полуостровом Шарихи – одного из трех знаменитых плато этого города. Березовую рощу на Шарихе он знал как свои пять пальцев. И впрямь белыми пальцами светились стволы столетних берез, которые он видел еще в детстве. На всякий случай страхуясь, он стремительными бросками перебегал от березы к березе. Достиг наконец забора местной больницы и по покато́й тропинке над глубоким оврагом, разделявшим Шариху и Соборную гору, цепляясь за штaketник, добрался до первых одноэтажных домиков. Тенистой улочкой дошел до спуска к автобусной станции, которую никак не обойти: единственным путем к мосту через Шохонку была эта пло-

щадь. Сверху все осмотрел. Спящие дома, слепые торговые палатки, только в хлипком здании автобусной станции светилося одно оконце – дежурный дремал при свете.

Теперь успокоиться. Дима вздохнул, ровным шагом преодолел открытое пространство и, уже ликуя, улыбнулся, глядя на оставшийся позади огонек. Все так же не торопясь дошел до моста. Старался на всякий случай не стучать башмаками по древнему деревянному настилу. Сильно запущенная Шохонка изрядно заросла. В прибрежных кустах слегка отдохнул, не столько из-за усталости, сколько от напряжения.

Подъем к крайней в городе церкви по ступеням крутой лестницы. Еще подъем – и он в густом ельнике. Пологой опушкой дошел до ограды маленького пансионата работников лесного хозяйства, перепрыгнул через нее и уже окультуренной дорожкой, не таясь, направился к купальне. Место выбрано замечательно, но волжское дно здесь было отвратительным. Поэтому и настелены мостки к купальне, которая, естественно, закрыта на замок. Но он, цепляясь за железные прутья ограждения, преодолел и это препятствие.

Стажил со спины резиновый рюкзачок, разделся до плавок, аккуратно, по-армейски уложил в него свое шмотье: сначала башмаки и по порядку – джинсы, куртку, свитерок, хлопчатую фуфаечку. Вновь натянул лямки рюкзака. Поддержал плечами, развел руки – вроде норма. Присел на край мостков и спустил ноги в воду. Содрогулся. Поболтал ногами в воде – привыкал. Потом замер ненадолго и глянул на

огни городской набережной, хорошо видимые отсюда, из-за малозаметного изгиба Волги.

Набрал грудью воздуха и отчаянно прыгнул в холодную воду.

Первые метров сто проплыл бешеным кролем, чтобы разогревшееся тело привыкло к холоду. Перешел на брасс, отдышался. А теперь снова кроль – размеренный и неторопливый.

До берега оставалось метров двести, когда его ослепило: невыносимый яркий свет ударил по глазам. Из-за плеска воды от собственных гребков он не услышал тихого шума хорошо отрегулированного мотора быстроходного катера, который, отрезав от желанного берега, прожектором высветил его спичечную головку на необъятной глади волжской воды.

Дима закрыл глаза и ушел под воду. Он умел это делать и, четко ориентируясь, сорок секунд шел в глубине, стараясь пронырнуть под проклятым катером, но когда вынырнул, оказалось, что прожектор опять бьет по глазам – там, на катере, прочитали его маневр. Он заметался. Безрассудно попытался обойти преследователей с кормы и изо всех сил рванул к берегу – доплыть, доплыть!

А катер, уже выключив прожектор, делал вокруг него все сужавшиеся круги, не выпускал его из ловушки. Дима в панике совершал бессмысленные повороты и произвольно двигался тоже по кругу, из которого не было выхода, словно в беличьем колесе. Ему не хватало воздуха, он задыхался и

захлебывался в волнах от катера.

Сознание уже уходило, когда он ощутил безвольной рукой, что касается шероховатого борта заглушившего мотор катера.

Руки скользили по борту, спасения не было. Его безудержно тянуло вниз, в глубину. Как сквозь воду он услышал голос сверху:

– Хватайся и держись!

Он ухватился за конец спущенного сверху каната и дышал, дышал. Загремело железо, и рядом, совсем рядом, оказалась спасательная лесенка-трап.

– Поднимайся, – приказал тот же голос.

Неизвестно к какой опасности, но все равно подальше от ждавшей его смерти. Срываясь, он долго карабкался по семи ступенькам-перекладинам, забрался на палубу и бессильно рухнул.

* * *

В небольшой, с морским шиком отделанной каюте за столиком на уютном диванчике сидели трое. В центре – глядевший здесь неуместно – цивилинный господин в безупречном вечернем костюме, а по бокам – двое, в униформе, доброжелательных богатырей. Все трое с любопытством разглядывали Диму, у которого от неимоверной усталости непроизвольно дрожали колени. Он стоял перед ними голый, бес-

помощный, жалкий.

– Рюкзачок-тоними, – посоветовал цивилиный господин, он явно был за главного.

Дима послушно снял рюкзак и поставил его на пол. Обреченно ждал, что с ним будет.

– Куда собрался бежать? – задал первый вопрос господин.

– Не знаю, – прокашлявшись, ответил Дима.

– Все так хорошо просчитал, все так хорошо подготовил и не знаешь? – удивился господин. – Так куда же?

– Не знаю, – повторил Дима.

– Просто убегаешь, значит. От кого?

Диме было все равно. Он поднял голову, посмотрел на всех троих, ответил:

– От вас.

– От нас не убежишь, запомни раз и навсегда.

– Зачем я вам? Что вам от меня надо? – в отчаянии спросил Дима.

– Надо было, чтобы ты не переплыл Волгу, – непонятно ответил господин и, считая, что разговор с Димой окончен, попросил сидящего слева богатыря:

– Будь добр, посмотри, что у него в рюкзаке.

Богатырь встал. Он был так широк, что Диме пришлось податься в сторону, когда тот склонился над его рюкзаком. Оставшийся на диване богатырь, заметив на Димином плече татуировку, полюбопытствовал:

– Спецназ, ВДВ?

– ВДВ.

Спрашивающий, еще раз оценив Димины стати, поразмышлял вслух:

– Вряд ли дутыш. Хороший тяж. Бокс или карате?

– Карате.

Помолчали, глядя, как занятый делом богатырь потрошит рюкзак. Выпотрошил, положил шмотье на стол, а бахилы пристроил к лесенке.

– Чистый! Даже без перочинного. Куда его теперь?

– Пусть сначала оденется, – решил главный и, деликатно обойдя Диму, по крутой лесенке поднялся на палубу.

Катер с погашенными огнями осторожно приближался к причалу спасательной станции.

Неизвестно откуда на причале появились двое в камуфляже. Им бросили концы. Они закрепили чалки и исчезли неизвестно куда. Цивильный господин приказал еще двоим в камуфляже, тем, что с судна помогали швартоваться:

– Растворитесь, ребята!

Эти двое спрыгнули на деревянный настил причала и действительно растворились.

Господин вернулся в каюту. Сидевший на краешке дивана уже одетый Дима произвольно стал подниматься, словно перед начальством, но, сообразив, что делает, чуть скрипнул зубами и твердо уселся на место.

– Так что с ним делать, Игорь Сергеевич? – нетерпеливо спросил тот, кто ощупывал Димины вещички. Цивильный

Игорь Сергеевич с брезгливой жалостью посмотрел на Диму, посмотрел на своих богатырей и решил:

– Теперь он одетый, не замерзнет. А в каюте и без него тесно. Закрепи его где-нибудь на палубе, Валюн.

– Пошли, – приказал Диме Валюн. Дима проследовал за вторым богатырем, который уже поднимался на палубу. За Димой шествовал Валюн.

Вон он опять перед ним – любимый, а ныне ненавистный город. Дима смотрел на освещенную тусклыми фонарями набережную.

– Ты, случаем, не левша? – спросил его Валюн.

– Нет.

– Тогда давай правую.

– Зачем?

– Браслет на нее надену, – с прямоотой римлянина ответил Валюн.

Дима оценил одного, оценил и другого. Нет, от этих не уйдешь. Валюн повторил его мысли:

– От нас не уйдешь.

Дима протянул правую. Наручник щелкнул на запястье. Вдвоем они, дружелюбно подталкивая, провели его на нос, подвели к якорному шлюзу, усадили. Второй наручник защелкнули на звене массивной якорной цепи.

– Извини, придется тебе на палубе посидеть, – сказал Валюн и добавил, обращаясь к напарнику: – Ты в каюту иди, а я в капитанском загашнике пороюсь. Вроде там было.

Второй ушел в каюту, а Валюн направился в рубку. Вскороности объявился с бутылкой и двумя стаканами в руках.

– Выпей. Оживешь, – предложил он Диме.

Дима промолчал. Молчание – знак согласия. Валюн с хрустом отвинтил пробку, держа на просвет городских фонарей стакан, строго отмерил сто пятьдесят и протянул пленнику.

Дима взял стакан левой рукой и в два глотка принял дозу. Передернулся. Валюн достал из кармана яблоко и, протягивая, заботливо сказал:

– Закуси.

Дима захрупал яблоком, а Валюн посмотрел на просвет бутылку.

– А это нам. Положено с устатку.

Он ушел. Дима привалился к невысокому носовому бортику и закрыл глаза: ждал, когда придут алкогольное просветление и расслабуха, предваряющая желание действовать.

Валюн спустился в каюту. Игоря Сергеевича уже не было, а напарник, сидя на диване, откинул голову к стене. Отдыхал. Валюн сел рядом, со стуком поставил бутылку и стаканы на стол. Напарник повернул бутылку к себе этикеткой.

– Шуйская классическая, – раздумчиво прочитал он и добавил: – Говорят, лучшая водка в России. Он выпил, Валюн?

– Выпил.

– Значит, оживет.

Дима и вправду ожил. Осмотрел цепь, к которой его приковали, левой рукой ощупал оба наручника, слегка их подер-

гал. Все крепко. Попытался перетереть цепочку о цепь, но тщетно: цепочка была хорошей стали, вместо того чтобы перетираться, сама корябала ржавое железо звена. Оставалось лишь одна надежда: разорвать цепочку. Где-то должна быть слабина, а он – молодой, здоровый... Водочка вернула ему силы. Попробовал рвануть одной правой, ни хрена. Тогда он с большим трудом развернулся, уперся поджатыми ногами в бортик, левой прижал к себе правую и толчком ног с одновременным полным напряжением всего тела рванул наручники. Цепочка лопнула, он грохнулся спиной на палубу. Лежа на спине, Дима смотрел на уже чуть посветлевшее небо. Потом сел и прислушался. Близко-близко тихонько звучала музыка. «Не верь, не бойся, не проси!» – зывали татушки. Он осторожно встал на четвереньки и заглянул за борт. Спасительный причал был рядом с носом катера в полутора метрах под ним. Он перекинул себя через бортик и бесшумно ступил на причал. Замер в темноте пристройки, осмотрелся. Вроде никого. Но все равно – не мостками, а, цепляясь руками, по крепежному тросу выбрался на берег. Мелкими перебежками, хоронясь у кустов, он стал приближаться к свету фонарей, к городу, к людям.

Валюн выключил магнитофон, вытащил из уха слуховую пуговицу и по мобильнику набрал номер. После второго гудка прозвучало отчетливо слышимое «Да!».

– Он ушел, Игорь Сергеевич, – доложил Валюн.

Прозвучал ласковый приказ:

– Замечательно. Сделаем так, чтобы его пригнали к нашей точке. Вам всем в полной готовности – туда.

Валюн поднялся на палубу и три раза мигнул фонарем. Напарник в каюте поднял сиденье дивана, вновь прибывшие разобрали из ящика оружие. Четверо взяли автоматы, двое – снайперские винтовки.

* * *

Дима подходил к актерскому пансионату, когда его настороженный глаз отметил некое движение на ступенях, ведущих к парадному входу главного здания. Дима замер и, сделав несколько осторожных шагов вперед, постарался рассмотреть через кусты всю лестницу. На верхней ступеньке, сжавшись в комок, притаился некто в желтой кожаной куртке. Освещенный яркими лампами парадного подъезда, Дима развернулся и стал потихоньку отходить. Человек в желтой куртке увидел его и, понимая, что его заметили, не таился, выскочил на дорогу и остановился, чтобы вытащить из кармана переговорник.

– Крендель, я вижу его! – отчетливо произнес желтый. – Побежал к турбазе. У него один выход из города – тамошним оврагом. Встречай его сверху.

Но Дима не слышал, Дима бежал. У спасательной станции в ожидании выстрела ускорился как только мог, но выстрела не последовало. Домишки, дома, два убогих дворца новых

русских. Здесь навверх не продвинешься. Он добежал до хилых ворот турбазы. Перемахнул через шлагбаум и притаился за сторожевой будкой. Не видно ничего, никого не слышно. Уже шагом он двинулся дальше. Приходилось делать крюк: он не столько боялся встречи со случайным бодрствующим туристом, сколько шума при этой встрече. Домишки турбазы притихли в ночи. Только в одном, видимо, выпивали: Газманов прославлял господ офицеров, ему вразнобой подпевали. И от этой радости подальше. Так, вкругаля, Дима добрался до широкого устья оврага. Теперь его левым краем – навверх.

Кончился подъем, край оврага сровнялся с плато. Дима тропкой шел к дороге, когда раздалась первая автоматная очередь. Он понял, что стреляют по нему, когда обожгло плечо. Инстинкт бросил его в овраг. Он кувырком катился по склону, ломая мелкие кусты, а очереди сверху поливали темноту внизу. Оказавшись на дне оврага, Дима, по-собачьи повизгивая, отполз подальше от места падения. Вот она, спасительная ель, за стволом которой можно спрятаться. Но от них не спрячешься. Очереди прекратились.

– Стебок внизу. Сейчас я его достану, – раздался злобный бас сверху.

Но достать не успел, потому что с противоположной стороны оврага грянул гром. Слаженно били автоматы, отчетливо звучали винтовочные выстрелы. Огонь велся на поражение по отчетливым на фоне рассветного неба силуэтам.

Мат, крики, стоны. Затем на левой стороне все утихло,

утихло, скорее всего, навсегда. После того как замолкли автоматы на правой стороне, там теперь негромко переговаривались.

Дима сидел, прижавшись спиной к стволу ели. Задетое пулей плечо кровоточило. Он потрогал рану. Так, слегка задело. Он прижал рану и стал ждать, сам не зная чего. Уже светало.

...Уже светало, но гульба в дискотеке была в полном разгаре. Молоденькая, полностью соответствующая молодежной своей упаковке, куражная Ольга под развеселую попсуху вытворяла дэнс на полную катушку. Гремела, гремела попса во всю ивановскую, и Ольга, будто ничего ей и не надо в этой жизни, кроме ритма и движения, меняя партнеров, заходила в бесконечном танце. Нет, на бесконечность сил не хватило. Продравшись сквозь толпу зомбированных, она добралась до бара и, не в силах говорить, поднятым пальцем привлекла внимание понятливого бармена, который, вмиг сотворив в стакане нечто оранжевое, пустил его своим ходом по стойке. Стакан остановился точно перед Ольгой. Она сделала два глотка. На соседнем табурете с комфортом устроился чернявый, с виду весьма извилистый молодой человек, которому бармен без всякого послал стакан с прозрачным. Молодой человек, отхлебнув, обратил свой улыбчивый фейс к Ольге и произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.